

Ледяное сердце Северины

Автор:

Мария Воронова

Ледяное сердце Северины

Мария Воронова

Мечь – это блюдо, которое подают холодным. А за двадцать лет остынет все, что угодно, кроме сердца обиженной женщины. Успешная бизнес-леди по имени Северина решила отомстить человеку, который испортил ей жизнь. Разве справедливо, что Виктор Стрельников не понес за свой грех наказание и все у него хорошо?! Ректор Медицинской академии, счастливый муж и отец. Что ж, вскоре ему предстоит потерять все – должность, семью, репутацию. А Северина бросит на него холодный взгляд, усмехнется и повторит его же слова: «Тебя никто не заставлял!» Только жизнь оказалась сложнее и непредсказуемее всяких планов. Мечь так и не смогла излечить старые раны, а вот новая любовь растопила ледяное сердце...

Мария Воронова

Ледяное сердце Северины

Автор выражает благодарность Елене Юрьевне Сатаевой, замечательному редактору и первому человеку, направившему автора на путь литературной деятельности. Ее помощь в работе над текстами оказалась поистине бесценной.

© Воронова М. В., 2016

* * *

Руслан взглянул на часы:

- О, я должен бежать. Электричка ждать не будет.

- Оставайся, – улыбнулась Инга, – Грегори у деда.

- Ты знаешь, что не могу, – Руслан приобнял ее, смягчая резкость своих слов.

Инга вздохнула. Обычно на этом тема бывала исчерпана, но сегодня в Ингу словно бес вселился:

- Да почему? Позвони Анне Спиридоновне, скажи, вызвали на операцию. Сложный случай... Тем более он действительно сложный, – последнюю фразу она произнесла очень тихо, давая Руслану шанс не расслышать.

Он и не слушал, быстро и сосредоточенно одеваясь.

- Правда, ты же профессор, завкафедрой. Кого вызывать, как не тебя?

Глядя в зеркало, Руслан поймал отражение ее недовольного взгляда.

- Мама и так делает для нас слишком много, у нее одна-единственная просьба: позволить ей ночью отдыхать. Я был бы настоящей свиньей, если бы не предоставлял ей такую возможность. И потом, любимая, ты же не хочешь, чтобы о нас знали. А этот неловкий момент совместного появления на работе... Не мысля гордый свет забавить, вниманье дружбы возлюбя, хотел бы я тебе представить залог достойнее тебя!

Прильнув к ней, он ласково засмеялся. Инга сделала вид, будто ей весело.

– Все, пора. До завтра, любимая.

Еще один быстрый, как одолжение, поцелуй, и Руслан помчался на платформу. Вдалеке уже слышался стук колес.

Поднявшись в мансарду по узкой и старой, потемневшей от времени деревянной лестнице, Инга отворила окно. С ее позиции было хорошо видно, как нарядная серо-красная электричка отходит от перрона и, постепенно набирая скорость, скрывается в редком подлеске, похожая на доисторическую гусеницу... Поезд ушел. Инга усмехнулась, припоминая все пошловатые аллегории железной дороги как неустроенной женской судьбы. Что там еще: вскочить в последний вагон? Или более оптимистичная польская поговорка: не бегайте за трамваями и за мужчинами – стоит немного подождать, и придет другой. Но они не знают, как у нас ходят трамваи и какие у нас мужчины...

Инга еще немного посидела у окна и спустилась в кухню. Заварила чай и убрала в холодильник великолепный ужин, как всегда оставшийся нетронутым. Руслан никогда не ел у нее, максимум – чай с печеньем или кусочком колбасы, но она все равно готовила к его приходу. Ей хотелось предстать перед любовником искусной кулинаркой, женщиной, поднатюреншей в домашнем хозяйстве. Зачем?

Сосущее чувство полного одиночества, возникающее после ухода Руслана, стало уже привычным. Зная, что так будет, Инга тем не менее ждала этих еженедельных встреч. Каждый раз на что-то надеялась... На что? Руслан оценит ее по достоинству и останется жить у нее? Ей удастся последовать мудрому, но утопическому совету: не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней, – и после ухода любовника на нее перестанет нападать тоска и чувство унижения? Или Руслан хотя бы раз в жизни обманет свою мамашу и проведет ночь с любимой женщиной? Инге так хотелось проснуться рядом с ним...

Тяжело вздохнув, Инга надела широкие спортивные брюки и зашнуровала кроссовки. Много есть способов справляться со стрессом. Кто-то пьет, кто-то поглощает тортики и шоколад, а она бежит. В свое время Инга была чемпионкой города среди юниоров по спортивному ориентированию, что позволило ей поступить в медицинский институт без лишних проблем и волнений. Она не стремилась к поприщу врача, просто пригласили перспективную спортсменку защищать честь института на соревнованиях. Как часто бывает, случайный

выбор оказался призванием. Инга всерьез увлеклась хирургией и, честно отработав, точнее отбегав, свое поступление, завершила спортивную карьеру.

Но ежедневная пробежка стала такой же необходимостью, как чистка зубов. Минимум два километра – это в самые напряженные операционные дни. А лучше шесть. Кроме борьбы с унынием бег помог сохранить ей легкую юношескую фигурку. Хотя... Возможно, это напрасное беспокойство, но в последнее время Инге казалось, что тело от больших нагрузок теряет юношескую свежесть, становится слишком жилистым и сухим. Черствым, как ее душа...

Инга вышла на крыльцо, попрыгала немного, выбирая в плеере подходящую аудиокнигу. Она знала, что, поглощенная грустными мыслями, слушать не будет, но голос в ушах фоном все же лучше, чем полная тишина.

Мимо, молодецки свистнув, прогрохотала следующая электричка. Уже поздно, наступила белая ночь. Небо цвета чая с молоком потускнело, молодые листья на деревьях шелестели, серебрясь в мягком свете луны.

Инга побежала по мокрой от недавнего дождя пешеходной дорожке мимо линии частных домиков, где старая деревянная дача с покосившейся верандой мирно соседствовала и с шикарным особняком, и с пустым, заросшим дикой травой участком. С другой стороны бежал узкий ручеек в крутых берегах, какое-то побочное дитя старинной системы фонтанов.

В этот час на улице не было ни людей, ни машин, и Инга бежала широко и свободно, не опасаясь сбить кого-нибудь с ног или самой попасть под колеса. При правильном беге нельзя сбиваться с темпа, поэтому ноги периодически попадали в лужи. Кроссовки у нее были хорошие, не промокали, а вот низ штанин пострадал серьезно. Гораздо удобнее тренироваться в лосинах или коротких брюках, но она уже почти пятнадцать лет бежит только в длинных и широких. И все потому, что когда-то тренер сказал, мол, у нее такие тонкие лодыжки, а мчится она так сильно и энергично, что ему страшно на это смотреть. Каждую секунду кажется, что ноги не выдержат нагрузки и сломаются. После этих слов Инге самой стало страшно, и она купила широкие спортивные брюки.

Она усмехнулась. Вот как бывает: мимоходом сказанное слово определяет в чем-то твое поведение на всю жизнь, а тонны наставлений и нотаций пролетают

мимо, не процарапав в коре мозга ни одной новой извилины.

Добежав до перекрестка с Собственным проспектом, Инга повернула на шоссе. Сегодня она сделает большой круг – до Биологического института через Сергиевку и университет. Дома ждет еще одна одинокая ночь, зачем торопиться?

Руслан снова не остался... Да, его можно понять. Да не то что можно понять, им надо восхищаться! Человек долга! От злости Инга немного прибавила скорость. Семейные дела профессора Волчеткина в самом деле весьма непросты. Жена психически больна, причем не какая-то там истеричка или шубообразная шизофреничка, которой один-два раза в год требуется стационарное лечение, а в остальное время она совершенно здорова. Нет, жена Руслана больна чем-то очень редким и серьезным. Она не буйная, не галлюцинирует, просто сознание находится на уровне пятилетней девочки. И длится это уже не год и не два...

Руслан поступил очень благородно, никто не спорит. Вместо того чтобы вернуть заболевшую жену родителям, он сам стал ухаживать за нею. Даже не оформил развод, хотя всем понятно, что о нормальной семейной жизни и речи быть не может. Инга не знала подробностей, Руслан никогда не обсуждал с ней болезнь Ольги, но по некоторым намекам поняла, что ее родители тоже имели серьезные проблемы с психикой. Отец, кажется, без затей спился, а мать, законсервировавшаяся в образе хиппи семидесятых, писала странные картины и не собиралась обременять себя заботами о больной дочери. Не зря в прежние времена люди, подыскивая невесту, узнавали всю подноготную о ее родных. Все же психические расстройства – дело семейное. Стоит приглядеться к кровным родственникам шизофреника, как выясняется, что один – страстный коллекционер, другой – запойный алкоголик, третий боится женщин, как огня, и никогда не моется. Правда, тут же обнаружится и племянник – компьютерный гений, и дед – известнейший автор научной фантастики.

Вероятно, Руслан был сильно влюблен в свою будущую жену, раз мамаша в драных джинсах, фенечках и с повязкой на голове его не отпугнула.

Не снижая скорости, Инга прополоскала рот и энергично плюнула.

Благородная семья Волчеткиных! Они безропотно несут свой крест, ухаживая за «бедной малюткой». Когда случилось несчастье, Анна Спиридоновна сразу

вышла на пенсию, хотя была еще деятельным ученым и великолепным преподавателем. Она целыми днями занимается с невесткой, поставив сыну только одно условие: у нее должны быть свободными вечера, ночи и воскресенья. Только вечер среды она отдает сыну. Руслан якобы работает с аспирантами.

О том, как Руслан смотрит за своей больной женой, Инга старалась не думать. Что-то гадкое виделось ей в этом.

Вместо положенного восхищения в душе поднималась волна неприязни – к бедной Ольге, которая не может заболеть настолько, чтобы ее нужно было содержать в психоневрологическом интернате, а главное, к Анне Спиридоновне. Инга понимала, что очень плохо и недостойно так думать, но ничего не могла с собой поделать. Самоотверженная старуха, ничего не скажешь! А если бы она не совершила подвиг самоотречения? Если бы сказала: сыночек, ты против моей воли взял в жены это дитя свободной любви и марихуаны, разбирайся теперь сам. Кидай в ноги ее безумию не только нормальную семейную жизнь, но и карьеру. Делай что хочешь, а у меня своя жизнь. Надолго бы хватило Руслана? Скорее всего, помыкавшись пару месяцев, он поступил бы, как все нормальные люди. Вернул бы жену родителям, оформил развод, а уплата алиментов по утрате дееспособности очистила бы его совесть.

Но когда есть самоотверженная мать, можно быть героем...

Ах, Анна Спиридоновна! Лукав ваш подвиг! Сын вам кругом обязан, он при вас, никуда не дернется и никого не приведет. И детей не наплодит, которые будут носиться по вашим комнатам и колотить ваш бесценный фарфор... По ночам вы хотите отдыхать! А то, что ваш сын – молодой, полный сил мужчина, вы знать не хотите! О сексе с бедной сумасшедшей даже думать страшно, почему же вы не разрешаете сыну связь на стороне? Если вы так любите друг друга и так близки, почему Руслан не может признаться вам, что у него есть любовница, и не выговорить себе хотя бы одну ночь в неделю? Ночь, когда Грегори ночует у деда? Да потому что вы совершаете великий подвиг! Вы отказались от своей жизни ради сына и теперь вправе требовать от него того же! Он теперь ваш с потрохами, а больная жена – всего лишь средство для достижения цели!

Инга перевела дух. Гадкие мысли, ничего не скажешь. Как там говорила Маргарита: «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня». Будь я счастливой, я думала бы о людях гораздо, гораздо лучше. Мать Руслана –

прекрасная женщина, а я сочиняю про нее разные пакости только потому, что никто и никогда ничем не жертвовал ради меня. Только дом... Но это не жертва, просто подарок от чистого сердца.

Инга взбежала на горку, где стояло приземистое желтое здание Биологического института. Шлагбаум был закрыт, пришлось огибать его по узкой тропинке, и от этого немного сбилось дыхание. Ничего, дальше идет ровная гравийная аллея, темп быстро выровняется. А вздорные мысли хороши тем, что развеивают тоску и страсть к самобичеванию. Например, почему Руслан категорически отказывается знакомиться с Грегори? Приходит, только когда сын у деда. Как-то Инга ненавязчиво предложила погулять втроем, съездить, например, на залив или устроить шашлыки в дикой части парка. Чтобы Руслан, лишенный жены, Инга, не имеющая мужа, и Грегори, не знающий отца, все вместе провели хоть один день, как обычная полноценная семья.

Но Руслан так нехорошо на нее посмотрел, что Инга даже обиделась. Будто она демонстрирует сыну вереницы ухажеров, предлагая в каждом видеть отца.

Есть способ привязать к себе мужчину – старый как мир и ненадежный как судьба. Ребенок. Руслан входит в возраст, когда просыпается родительский инстинкт. Перед этим искушением он бы не устоял. Как-нибудь решил бы проблему. Нанял бы сиделку, жил бы на два дома... Да мало ли что человек сделает, когда поймет, что необходимо действовать! Видимо, Руслан тоже это понимал, поэтому был невероятно осторожен, не оставляя случайной беременности ни малейшего шанса.

Три года тянулись эти отношения... Три года она как на качелях, где за радостным предвкушением встречи следует глухое разочарование. Будто кладут на рану целебную повязку и сразу отрывают с мясом, отчего рана только сильнее кровоточит. Сумасшедшей жене надо создать спокойную домашнюю обстановку, Анне Спиридоновне надо отдыхать по ночам, Руслану надо выглядеть самоотверженным мужем и почтительным сыном... И никого не интересует, что надо ей! Впрочем, давно пора понять, что любовница – это человек, с которым никто не считается.

Любовница... Но нынче брак совсем не тот, что прежде. Раньше женщина выходила замуж один раз, супружеские узы навечно привязывали ее к мужчине, который мог раскрыться не с самой лучшей стороны. Но изменить ничего уже было нельзя. Потом женщина была только женщиной, женой и матерью и не

могла реализоваться в другой социальной роли. Ее судьба, а в государствах с особо суровым законодательством и все имущество, полностью зависели от мужа. Ей оставалось только вести дом, нанять детей и, затаив дыхание, ждать, достигнет чего-то избранник или нет. При отсутствии электричества в целом и бытовой техники в частности домоводство превращалось в каторжный труд. Даже если семья была богатая и тяжелые работы выполняли слуги... Это тебе не на кнопку нажать в стиральной машине. Попробуй еще заставь русского человека работать! А деторождение! Ни тебе контрацепции, ни акушерской помощи! Роды для женщины представляли такой же риск, как для мужчины – военный поход. А если и приглашался в трудных случаях доктор, то он имел любопытную привычку спрашивать мужа, за чью жизнь ему бороться – матери или ребенка.

Да, в былые времена участь жены состояла из ежедневного подвига и заслуживала всяческого уважения. А теперь? Женщина строит собственную судьбу. Вышла за дурачка – не страшно. Подумаешь, если ты сама директор банка. А надоел дурачок – быстренько развелась и нашла себе получше, никто не осудит. Беременность и роды сейчас практически безопасны. За материнскую смертность так наказывают, что акушеры спасут тебя во что бы то ни стало. О домашнем хозяйстве нечего и говорить. Если не сходить с ума, то больше часа в день оно не отнимает.

Получается, разница только в том, что с женой мужчина спит в одной кровати. Но жене – почет и уважение, а любовница или прячется и таится, или несет на себе презрение общественности... Почему? Это же архаизм, пережиток прошлого!

Инга невесело засмеялась. Самое грустное, что жизнь ее ничему не учит. Когда-то в детстве она услышала известное выражение, что в жизни все повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса. Тогда высказывание показалось ей глупостью. Но нельзя смеяться над банальностями, они отомстят.

Вот и эта фраза отомстила. Руслан был ее вторым женатым любовником, а чем закончилась первая связь – больно вспоминать...

Услышав вопрос корреспондента, Северина Аскольдовна улыбнулась и привычно повернулась в три четверти к камере. Ее часто просили дать интервью, особенно в последние годы. Подбодрить граждан, вот, мол, женщина сама себя сделала на ровном месте, и вы сможете. Она всегда соглашалась, хотя большой необходимости в этом не было. Для пиара Северина вела еженедельную кулинарную передачу на одном из центральных каналов.

– Наполеон говорил, что все зависит от удачи, и я с ним полностью согласна, – сказала она мягко, – просто мне повезло встретить одного хорошего человека. Я ему немножко помогла и получила стартовый капитал и совет, что не менее ценно. Он сказал мне: займись тем, чего ты действительно хочешь. Даже если прогоришь, хотя бы узнаешь вкус мечты.

– Нельзя ли поподробнее о вашем благодетеле? Какую услугу могла оказать простая студентка?

– Боюсь, что нет. Там не было ничего криминального или постыдного. И ничего, связанного с бизнесом. Это касается частной жизни, а право на ее неприкосновенность я уважаю.

– То есть мы не сможем удовлетворить законное любопытство наших зрителей? Что надо сделать, чтобы получить в свое распоряжение успешный бизнес?

– Уверяю вас, ничего такого, что выходит за рамки обычного человеческого участия. Эта награда была абсолютно незаслуженной. Мне просто несказанно повезло.

Северина покосилась на часы, а потом в дальний угол кухни. Там затаился Карпенко, тощий молодой человек в джинсах и детской клетчатой рубашке. Жесткие черные волосы торчали во все стороны, и это не имело ни малейшего отношения к «художественному беспорядку». Невозможно было подумать, что юноша – ведущий модельер модного дома «Северина» и именно его фантазия рождает все эти слегка безвкусные милые тряпочки. Он увлеченно водил пальцем по экрану планшета и, кажется, не скучал, но Северине было немного неловко. Она вызвала его по личному делу и заставляет ждать. Кто же знал, что оператор столько времени провозится со светом?

– А почему вы начали именно с кафе?

– Это просто. Я последовала хорошему совету. Если бы я не получила этого напутствия, вероятно, стала бы суетиться, подыскивать какое-нибудь дело, сулящее максимальную выгоду... Но раз мне сказали: делай то, что любишь, – я открыла кафе. Потому что с детства обожала готовить и умела это делать много лучше других. И еще один важнейший фактор успеха состоял в том, что моя мама – бухгалтер – любезно согласилась взять на себя управление финансами. Работа доставляла мне такое наслаждение, что я почти не думала о прибыли. А она оказалась высокой, и через год мы открыли второе кафе. Потом я задумалась вот о чем: ведь женщины постоянно худеют. И в эти периоды жизни они или никуда не ходят, или заказывают один чай. Так родилась линия «Северина 200». Пользуясь тем, что в то время я еще числилась в клинической ординатуре, я прошла цикл по диетологии и так составила меню, что в любом блюде было всего 200 калорий или того меньше. По моему замыслу, это должен быть женский уголок, где подружки могут посидеть без угрызений совести и без постоянного сопротивления калорийным соблазнам. Родители считали это провальной затеей, но неожиданно «Северина 200» принесла больше прибыли, чем две обычных «Северины». В новаторском пылу я позже открыла «Северина плюс» с диетическим питанием при заболеваниях желудочно-кишечного тракта. Вот этот проект действительно не имел успеха. Достижения медицины и фармакологии избавили человечество от необходимости придерживаться строгой диеты.

– Говорят, вы до сих пор сами придумываете блюда для «Северины»?

– Отчасти. Поскольку «Северина» и тем более «Северина 200» стали сетью, то меню в каждом кафе должно быть идентичным. Будьте уверены, что, если вам понравился, допустим, овощной суп в Петербурге, точно такой же вы сможете отведать в Омске. Поэтому я всегда лично утверждаю меню. Кроме того, я все же врач-диетолог по специальности, умею правильно рассчитать калорийность и баланс питательных веществ. А это важно, особенно в диабет-меню. Но если кто-то из сотрудников представит новое блюдо, и оно мне понравится, я с удовольствием его внедрю.

Следующий вопрос был как раз о модном доме. Северина взглянула на Карпенко, но тот протестующе замахал руками. Не хочет светиться в эфире. Вероятно, это к лучшему. Их целевая аудитория не должна видеть, в какой неформатной голове рождаются буржуазные кофточки и слащавые платица. Достаточно, что Северина сама всюду появляется в своей продукции.

С каждым разом давать интервью становится все скучнее. Вопросы как под копирку. Людям хочется разгадать секрет ее успеха. Одним для того, чтобы достичь таких же высот, а другим – разузнать ее грязную тайну, чтобы покормить свое презрение – лучшее утешение неудачника. Между тем никакого секрета нет. Девяносто процентов удачи и десять процентов любви к своему делу. Вот и все. Но мало кто верит в эту простую формулу. Приятнее думать, что для успеха необходимо продать душу дьяволу, сделать что-то отвратительное или постыдное. В крайнем случае противозаконное. Ах, Северина, Северина, не лукавь хоть сама с собой!

Ага, вопрос про благотворительность. Все журналисты его задают. Прочти этот мальчик предыдущие интервью, заметил бы, что на этот вопрос она всегда дает стандартный ответ. И либо избежал бы его, либо, наоборот, попытался бы вызвать на откровенность. Но нет... Состроив очень легкую, почти незаметную гримаску разочарования, Северина ответила, что добрыми делами нехорошо хвастаться. Только общество имеет право судить, насколько эффективна ее деятельность.

– Наших зрителей интересует и ваша личная жизнь. Не поделитесь? – искренность этой улыбки корреспондента просто зашкалила.

– Никакого секрета тут нет. Все, кто интересуется моей биографией, знают, что я живу с родителями.

– И у вас нет своей семьи?

– А родители – это не моя семья, по-вашему?

Сообразив, что сказал бестактность, корреспондент немножко смешался, и если у него оставались оригинальные интересные вопросы, задавать их не стал.

– Может быть, дадите нашим зрителям какой-нибудь совет?

Северина задумалась, скрасив паузу милой улыбкой:

– Что ж... Если вы нашли, в чем ваше призвание, и удача сопутствовала, не забывайте о самом важном – о людях, которые рядом с вами. Хорошее дело

делается хорошими людьми, – Северина улыбнулась, – цените коллег так же, как родных и друзей, не поддавайтесь лозунгам: «клиент всегда прав» и «незаменимых нет».

Она тепло простилась со съемочной группой.

– Прошу вас, – Северина протянула корреспонденту большую плоскую коробку, – примите для всей группы этот пирог с капустой моего собственного приготовления. Составите независимое мнение, насколько заслуженным оказался успех моего кафе.

Сеня Карпенко так увлекся своим айпадом, что не заметил, как она освободилась. Северина почему-то симпатизировала людям, умеющим полностью погружаться в свои занятия. Стараясь не шуметь, она накрыла на стол.

Ей понадобилось всего несколько минут, чтобы подать обед. Что ж, всем даются разные таланты. Кто-то поет, кто-то бегают быстрее всех, кто-то сочиняет стихи, а она вот богиня на кухне. Несколько взмахов руками, и готов салат, красиво разложены закуски, а возле приборов топорщатся сложенные пирамидкой салфетки. В клинической ординатуре ее называли «царевна-лебедь» за умение в считанные секунды практически из ничего сервировать вкусную и аппетитную трапезу. Северина долго гордилась этим прозвищем, пока не задумалась, сколько же в этой сказке мужского шовинизма. Царевна-лебедь с ее вечным «не печалься» – мечта диванного бездельника.

– А Зинаида Афанасьевна и Аскольд Миронович? – нерешительно спросил Сеня, откладывая айпад.

– Мама с папой в Париже.

– Здорово.

– Как сказать... – вздохнула она, – иногда мне кажется, они тяготятся всем этим. Роскошный дом, поездки... Поверь мне, Сеня, это ничего не меняет, и не спасает, уж точно. Я думаю, в глубине души они ненавидят наши деньги, просто не

говорят.

Карпенко деликатно промолчал, сделав вид, будто поглощен супом. Если ему и было любопытно, он ничем этого не выдал.

- Я позвала тебя по делу колоссальной важности. Как выдающегося специалиста в области моды.

- Куда там...

- Сенечка, перед нами трудная задача. Мне нужно выглядеть роскошно, но чтобы это не бросалось в глаза, и, в свою очередь, бросалось в глаза, что это не бросается в глаза... Понимаешь меня?

Карпенко кивнул. Отдав положенное супу, он внимательно посмотрел на нее:

- Что такое? Вы ж всегда в нашей продукции появляетесь...

- Ну да. Северина в «Северине» кушает «Северину».

- Слушайте, давно хотел спросить, а это ваше настоящее имя?

- О, да! Отец был морской офицер, и родилась я в Видяево. Мама с папой загадали, если будет девочка, назвать Кариной. Это имя возникло благодаря челюскинцам: там, на льдине, новорожденную девочку так называли потому, что она появилась на свет в Карском море. А родились две девочки, и родители решили: будет несправедливо, если второй ребенок получит какое-нибудь банальное имя.

- Карина и Северина... Здорово. А...

- Она умерла, - быстро сказала Северина, - трех месяцев от роду.

- Простите.

– Нет, это ты прости. Я всего лишь объяснила, почему нормальные люди назвали своего ребенка Севериной. Первые годы жизни я страдала от того, что у меня такое странное имя, а потом, видишь, пригодилось, – она украдкой вздохнула. Когда открывалось первое кафе, все были в таком состоянии, что назвали бы его «Петля и веревка»... – Ну, Сеня, поможешь? Я бы надела что-то из твоей коллекции, но тут повод слишком ответственный. Встреча класса. Сам понимаешь...

Сеня кивнул:

– Гнобили?

– Не то слово.

– Я понял. Но, если хотите их унижить, самое лучшее послать чек и не прийти. Я всегда так делаю.

Северина нежно взглянула на своего собеседника. Говорят, времена меняются, но одно остается неизменным: в школе тебя всегда гнобят, если не соответствуешь стандартам.

– Нет, я все же загляну. Чек уже отправлен, и директор школы обещал посадить меня в президиум.

– Тогда «Шанель», – безапелляционно заявил Сеня. – Поедем в бутик и все подберем.

Вечерело. Александра вдохнула аромат свежей древесины, исходивший от нового домика для гостей. Запах был таким приятным, что она остановилась и глубоко втянула носом воздух. Так пахло давным-давно, в детстве, когда отец брал ее с собой в строительный магазин.

Она улыбнулась. Обоняние – самый надежный союзник памяти.

Что ж, пора убирать опилки и прочий мусор. Строители, понятно, делать этого не будут, нужно найти кого-то из местных. А когда все будет готово,

обязательно заполучить Катюшу на выходные. Пусть посмотрит и решит: останется она в своей прежней комнате или займет новый дом. Александра предпочла бы второй вариант: девочка уже взрослая, вот-вот выйдет замуж, пусть живет отдельно. А что родители под боком, так они с Виктором – люди деликатные, мешать не станут.

Александра хотела посмотреть, как там внутри, но вдруг остановилась. Пусть Катя первая войдет.

Под скамейкой на крыльце летней кухни устроен тайничок с сигаретами. Александра не была настоящей курильщицей, но одна штучка перед сном – святое. Маленькая медитация, подведение итогов уходящего дня и планирование дня наступающего. Она устроилась на «завалинке», так они с мужем называли маленькую лавку возле летней кухни, и мечтательно затянулась.

Перед Александрой далеко-далеко простирался ровный зеленый луг, лишь у самого горизонта переходящий в темную полосу хвойного леса. Луг пересекала грунтовая дорога: две глубокие колеи, между которыми бурно росла высокая трава, и бесконечные лужи. В любое время года передвигаться по этой дороге можно было только в резиновых сапогах. Слева виднелись длинные унылые коровники из серого кирпича. Они давно заброшены, но Александра, скорбя об упадке сельского хозяйства в целом, радовалась ему в отдельно взятой деревне. Если бы тут держали скот, то крепко пахло бы навозом и от мух не было бы спасения.

Чуть поодаль шел ряд унылых деревенских домишек с подгнившими наличниками и завалившимися верандами. Владения Александры по сравнению с ними смотрелись настоящей барской усадьбой.

Они купили здесь землю пять лет назад. Мол, Катя выросла и уже не хочет ездить с нами в отпуск, того и гляди, внуки пойдут, а малышам нужен свежий воздух, а мы с тобой уже старые, скоро к земле потянет, и вообще, недвижимость – лучшее вложение денег.

Идея эта осенила их среди зимы, когда в экономической ситуации страны наметилась некоторая нервозность. То ли будет обвал чего-то, то ли не будет, рубль упадет или, наоборот, доллар, или еще что-нибудь рухнет, но в любом

случае, граждане, вашим сбережениям конец. Известный хирург Виктор Стрельников и его жена, скромная учительница математики, ничего не понимали в финансах, поэтому быстро перевели накопления в недвижимость.

Они поехали просто покататься по области, решить, в каком районе больше понравится, и застряли в снегу возле этой деревни. Местный тракторист вытащил их, а заодно и показал дом на отшибе, выставленный на продажу.

Они могли бы позволить себе гораздо лучший вариант, но три старые узловатые яблони решили дело.

Старый дом переделали под летнюю кухню. Через год построили хороший двухэтажный зимний дом, провели водопровод и канализацию, почти как в городской квартире. В цокольном этаже оборудовали сауну, но Виктор захотел настоящую русскую баню. Что ж, на участке в тридцать соток места хватало для любых причуд. У Александры было только одно требование – пусть не трогают ее любимые яблони. Вот они стоят, старые красавицы, с черной потрескавшейся корой, раскинули свои ветви в нежной бархатистой листве. Скоро зацветут.

Выпустив дым в серое жемчужное небо, Александра посмотрела на новый дом. Он нравился ей больше всех других сооружений, даже больше пристроенной к бане гигантской веранды с решетчатыми окнами. Сколько ей пришлось спорить с мужиками, которые никак не могли понять, зачем в бане веранда. Сидеть и распивать чай, хотя бы и зеленые, – какая глупость!

Но, несмотря на консерватизм, работники они были хорошие и выполняли любые ее прихоти. Хочет хозяйка окна, как в фильме, да ради бога, лишь бы платила.

Кажется, строительный этап закончен, – усмехнулась Александра, – все у нас теперь есть: два дома, баня, кухня, сарай и гараж. Что еще придумать... голубятню если только. Пора сажать помидоры. Грядки с клумбами теперь строителям не помешают.

Она обожала дачу и жила на ней с мая по октябрь, благо муж был страстным автомобилистом и не ленился ездить каждый день в город на работу, но из всех сельскохозяйственных премудростей Александра освоила только подстригание травы с помощью газонокосилки. Другое дело – комнатные цветы. Их она любила и понимала, отчего все приживалось и росло, как сумасшедшее.

Тут она услышала какую-то возню возле пакета с мусором. Интересно...

Сосредоточенно пыхтя, в пакет пытался проникнуть еж. Он бодал пакет, потом подползал под него и опрокидывал, и все это деловито, без лишней суеты.

- Витюша, Витя! Иди сюда, - позвала она, отойдя к дому, чтобы не спугнуть ежа.

Заодно налила немного молока в крышку от банки. Пакет крепкий, вряд ли у ежика получится добыть оттуда еду.

- Что, Сашуля?

Муж показался на крыльце с планшетом в руках. Как всегда, занимался. Ее с юности поражала работоспособность Виктора, почти все время он посвящал любимому делу. На службе успевал только оперировать и вести больных, вся научная работа проводилась дома, вечерами и в выходные дни. Теперь, когда Виктор стал профессором, нет нужды самому лопатить горы медицинских документов, для этой первичной фазы есть ординаторы и аспиранты. Но зато приходится доводить до ума диссертации этих самых аспирантов, да и просто читать новые монографии и периодику, чтобы оставаться на передовых позициях науки. Но это совершенно не тяготит его. Хирургия – его призвание, и Витя готов заниматься сутки напролет с перерывами только на сон. Александра никогда не видела, чтобы муж смотрел телевизор или читал художественную литературу.

Она показала глазами на ежика. Тот методично атаковал противника.

- Какой смешной, - Виктор улыбнулся.

В свои почти сорок пять лет он оставался удивительно красивым мужчиной. Виктор рано поседел, но волосы оставались такими же густыми, как в юности, и так же вились. Нос, крупный и не особенно правильный, гармонировал с тяжеловатым подбородком и твердых очертаний ртом. Но самым замечательным в его лице были глаза, светлые и лучистые. Обрамленные густыми черными ресницами, они казались совсем прозрачными.

Для мужчины Виктор был, пожалуй, невысокого роста, но крепкий и широкоплечий. В последние годы у него появился заметный животик.

Но седина, морщинки и животик, да и другие атрибуты возраста не мешали Александре видеть в нем того прекрасного юношу, которого она когда-то любила.

Обнявшись, они сели на лавочку и стали наблюдать за борьбой ежа с пакетом. Сквозь легкую кофточку Александра чувствовала его родное тепло. И склонила голову на плечо мужа, совершенно счастливая.

Северина не торопилась выходить из «Мерседеса». Из окна машины она посмотрела на четырехэтажное здание сталинской постройки. Оно нисколько не изменилось с тех пор, как она провела тут шесть тягостных лет... Стены по-прежнему выкрашены в унылый грязно-желтый цвет, великие писатели так же холодно глядят с бетонных барельефов. Сурово выпячивает челюсть Маяковский, всем своим видом намекая ученикам, что ничего хорошего их здесь не ждет.

Она усмехнулась, и шофер, давно изучивший привычки хозяйки, налил ей из термоса стаканчик кофе.

Может быть, последовать совету Сени и не ходить? Зачем возвращаться туда, где тебе было плохо, и общаться с теми, кто тебя презирал?

Северина сделала глоток, аккуратно, чтобы не повредить макияж. Сегодня она выглядела великолепно. Маленькое черное платье от «Шанель» сидело по фигуре, вылепленной с помощью личного инструктора до той степени совершенства, которую позволяло строение скелета. Она никогда не была красавицей, но обыкновенное русское лицо со слегка вздернутым носиком обладало одним достоинством, о котором женщина узнает только после тридцати. Моложавость. Без всяких ухищрений пластических хирургов и косметологов она выглядела почти так же, как на выпускном, только значительно стройнее. На пороге сорокалетия у нее не было ни одного седого волоса, и люди, не знакомые с ее биографией, изумлялись: как, такая молодая – и рулит огромным бизнесом!

Обычно она пользовалась косметикой только во время съемок, но сегодня вокруг нее целый день колдовала бригада визажистов. В результате Северина так себе понравилась, что попросила Сеню организовать фотосессию.

И зачем идти в школу, портить хорошее настроение, возникшее от осознания своей красоты?

Раннее детство она провела в поселке военных моряков, где все друг друга знали и жили общими интересами.

Она купалась в любви родителей, и радость была так же естественна, как дыхание. От этого периода остались яркие воспоминания... Когда пришла пора идти в пятый класс, жизнь в одночасье изменилась. Семье пришлось вернуться в Ленинград.

На беду, математическая школа находилась через дорогу от их дома. Над школой шефствовал универмаг «Гостиный двор», и учились там большей частью не математические гении, а дети из семей работников торговли. Северина никогда бы не попала в эту закрытую систему, если бы не закон, запрещающий администрации школ отказывать детям военнослужащих.

Так Северина оказалась в чуждой среде и пробыла в ней целых шесть лет...

Ее откровенно бедный вид, нитяные колготки в штопках и грубые туфли фирмы «Скороход» вызвали смех у этих красивых детей. А когда она стала искренне, взволнованно отвечать на уроке литературы, девочку посчитали сумасшедшей. Нельзя сказать, чтобы ее травили люто, но презирали и насмехались со свойственной детям жестокостью.

Вероятно, не все одноклассники были маленькими мещанами, интересующимися только фирменными шмотками. Но именно такие задавали в классе тон, и пойти против, подружиться с изгоем значило сделать гигантский шаг вниз по социальной лестнице.

Если бы она рассказала родителям о своих детских бедах, они обязательно помогли бы! Перевели бы в другую школу или просто объяснили, что такое стадный инстинкт. Сказали бы, что сильный человек гораздо терпимее к проявлениям слабости, чем слабый – к силе духа. И что история не знает ни

одного случая, когда толпа умных людей третировала одного дурака, а вот обратных примеров найдется сколько угодно. Но в семье случилось настоящее горе, и Северине было совестно нагружать папу с мамой детскими обидками. В параллельном классе учился собрат по несчастью, Леша Тоборовский. Этот маленький щуплый мальчик, которого вечно забывали постричь, сидел на задней парте и непрерывно читал. Однажды его приволок в школу разъяренный шофер грузовика в крайне возбужденном состоянии. Когда дар речи к нему вернулся, он рассказал, что увидел Тоборовского переходящим дорогу вне зоны пешеходного перехода. При этом ребенок уткнулся носом в книгу и на всякие мелочи типа грохочущих мимо самосвалов не отвлекался.

Иногда Северина ловила на себе слегка безумный взгляд Тоборовского и сразу отворачивалась. Влюбиться в нее он никак не мог, а жалости она инстинктивно сторонилась.

В выпускном классе Северина случайно перешла дорогу королеве гопников Тане Сорокоумовой. Смешно, но, как она ни старалась, сколько ни напрягала память, не могла вспомнить, с чего начался конфликт. Впрочем, самые ужасные ссоры разгораются именно из-за ничтожной ерунды.

Как бы то ни было, в умную мелированную голову Тани пришла мысль, что Северина ее унизила и должна извиниться. Северина отказалась. В качестве аргументов Таня представила свою свиту – двух не обремененных интеллектом бугаев. Северину подстерегли по дороге из школы в достаточно безлюдном месте и обещали избить, если она не станет просить прощения.

Северине до сих пор приятно было вспомнить, как она не поддавалась страху и заявила, что ее могут хоть убить, но извинений Таня не дождеться. Неизвестно, чем кончилось бы дело, но помощь пришла, откуда не ждали. С неизменной книгой в руке появился Тоборовский и встал на защиту. В результате сорокоумовские прихвостни ретировались. Потом Танька, пытаясь взять реванш, распускала про Северину всякие грязные слухи, но напрямую больше к ней не лезла.

Вспомнив этот эпизод, Северина улыбнулась. Пойду, решила она. Хоть Лешку поблагодарю за заступничество.

Северина кивнула охраннику и вышла из машины. Обычно она не путешествовала с такой помпой, обходилась водителем, но сегодня пусть все видят, чего она достигла.

В вестибюле Северину встретил директор и провел в актовый зал.

Северина осмотрелась. Она шла по коридорам, которые прекрасно помнила, но которые почему-то не будили воспоминаний.

Актовый зал с высокими потолками и большими окнами почти не изменился, только поставили стеклопакеты и убрали красное бархатное знамя. А паркет все тот же, и рояль в углу сцены, и от тяжелого занавеса все так же пахнет пылью.

Северину посадили в президиум, к учителям, с которыми она любезно, но сдержанно облобызалась.

Пошли речи, в суть которых Северина не вслушивалась. Она разглядывала бывших одноклассников. Благо со сцены это было очень удобно. Кого-то узнавала сразу, кого-то нет. А вот первый красавец класса... Господи, как постарел! Полное впечатление, что отца прислал...

Сделав щедрое пожертвование на школьные нужды, Северина думала весь вечер располагать вниманием директора, но тут вошел невысокий мужчина в военной форме, и директор сразу бросился к нему. Приглядевшись, Северина легко узнала бывшего книгочея, несмотря на полковничью форму и ультракороткую стрижку. Тоборовский, вот так сюрприз!

Леша – военный? Притом... Постойте-ка! Нет, глаза не обманывают, на груди действительно Звезда Героя России!

Фантастика! Она была уверена, что Тоборовский избрал научную карьеру. Лауреат Нобелевской премии – это может быть, но Герой России...

Северина спустилась в народ, широко, но холодно улыбаясь. Отвечала на приветствия, обменивалась светскими фразами. Словом, вела себя, как на обычном приеме. Вскоре заметила, что многие стараются держаться к ней

поближе и ловят ее взгляд.

Все стандартно... Самые незаметные ребята оказались самыми инициативными, именно они всех разыскали и уговорили прийти. А вот первые красавицы почему-то не явились. Может быть, стесняются своей увядшей красоты и несостоявшейся судьбы. Зато налицо все страшные подруги, ставшие счастливыми женами и матерями семейств. Естественно, присутствует золотая медалистка. Пришла показать, что вся жизнь у нее на «отлично». В кружке бывших подруг листает планшет, демонстрируя образцового мужа, детей, квартиру и работу. Будто сдает очередной экзамен. Только глубокий подспудный невроз не показывает никому, а может, и сама о нем не знает...

А вот и ее врагиня, Таня Сорокоумова. Что ж, время сделало свое дело. Скороспелая прелесть давно рассыпалась, не поддерживаемая ни красотой души, ни хотя бы силой воли.

Красивые ножки и узкие бедра, столь привлекательные для юных рыцарей улицы, обзавелись бонусом в виде толстого живота после первых родов, а то и сразу после свадьбы.

Северина подошла к Тане.

- Рада тебя видеть, - сказала она любезно.

- Привет, - Таня смерила ее взглядом, совсем как в прежние времена.

- Ну как ты, чем занимаешься?

- В продуктовом бизнесе, - буркнула Таня сквозь зубы.

- А, да! Я иногда встречала тебя в твоём бизнесе. В хлебном ларьке у метро, - засмеялась Северина.

Шутка была так себе. И Северина не хотела задираться. Странно, в школьные годы она совершенно адекватно оценивала ситуацию, а теперь, когда ей без малого сорок лет, вдруг ведет себя, как трудный подросток. Но говорить гадости оказалось неожиданно приятно... Так зачем отказывать себе в удовольствии?

– У нас с мужем свое дело!

– Ну все, не кипятись! Я вижу, что ты успешная женщина и накопила много добра. Вон как туго набиты твои защечные мешки!

По всем этическим нормам ей должно быть стыдно. Пусть Таня двадцать лет назад обзывала ее нищей коровой, это ничего не значит. Человек должен прощать!

Ага, сейчас! Фыркнув, Северина отошла к ряду скамеек и села, глядя поверх бывших соучеников. Первый, кто посмеет рассказать ей, какими добрыми друзьями они были в детстве, будет послан очень далеко.

– Северина... – Леша Тоборовский протянул ей бокал вина. Она взяла и, эффектно чокнувшись с бывшим защитником, сделала вид, что пьет, – зачем ты к ней привязалась? Ты победила Таньку тогда, а не сейчас.

Она подняла бровь:

– Тогда ты за меня вступился. Нас даже не побили.

– Правильно. Потому что ты не сдалась. И не звала на помощь. До сих пор помню твое бесстрашное лицо.

Северина улыбнулась:

– Я думала, никто не придет. А ты пришел.

Тоборовский улыбнулся в ответ.

Зазвучала музыка, модная во времена ее детства, верхний свет сменился бликами специальных фонарей, началась дискотека. В полумраке Леша выглядел совсем как прежде: немного диковатые серые глаза на узком лице с неожиданно массивным греческим носом. Но Северина успела разглядеть глубокие складки в уголках рта и гусиные лапки – приметы трудной, но достойной жизни.

Тоборовский мягко взял бокал из ее рук:

- Потанцуем?

Она кивнула.

В школьные годы Северина два раза ходила на дискотеку. Прекрасно осознавала свое положение, но душу будоражили смутные мечты о чуде. О том, что какой-нибудь мальчик внезапно влюбится в нее, как Ромео полюбил Джульетту на балу...

Но никто ни разу не пригласил ее на медленный танец! Ни из великой любви, ни просто так. А когда Северина решила потанцевать вместе со всеми, то быстро заметила, что Танька Сорокоумова с приспешниками копирует ее движения, и все смеются.

Звучала тягучая мелодия, несомненный хит тех далеких времен. Кажется, Челентано, но точно Северина не могла вспомнить.

Ничего не сбылось из того, что обещали эти сладкоголосые певцы. Ни великой любви, ни подвига, ни счастья...

Она чувствовала руки Тоборовского на своей талии. Не сейчас должна она танцевать, а тогда – двадцать лет назад!

Пусть ей приятно от прикосновения теплых сухих ладоней, пусть он прижимает ее немножко слишком крепко, совсем как старшеклассник, и бедром она чувствует, что нравится ему, но душа ее давно остыла, а песня почти забыта.

- Лыдинка-Северинка, – вдруг шепнул Тоборовский.

Так ее называла только мама. Как Леша запомнил?

Северина молчала. Они прильнули друг к другу, соприкоснулись щеками, как в их времена делали влюбленные подростки.

Насколько Северине было известно, Леша тоже не ходил на дискотеки и уж точно не танцевал медляки с красивыми девочками.

Когда музыка стихла, Северина собралась домой.

– Я провожу, – Леша галантно подержал норковую накидку.

– Ну, вот мы и пришли, – засмеялась Северина, остановившись возле распахнутой дверцы «Мерседеса», загодя открытой шофером.

– О... Я хотел зайти немного дальше.

Оба улыбнулись незамысловатой шутке.

– Я понимаю, ты бизнес-леди... Но можно я дам тебе свой телефон? Вдруг образуется немножко свободного времени, которое ты захочешь потратить на человека из прошлого?

Тоборовский протянул ей визитку, которую Северина, не глядя, убрала в сумочку.

– Спасибо, Леша, я обязательно позвоню.

Пора было прощаться, но оба медлили.

– Северина, это наглость с моей стороны, но, может, дашь мне тоже какой-нибудь номер? Секретаря хотя бы? Вдруг ты забудешь обо мне или потеряешь карточку, а я не буду знать, как с тобой связаться...

– О чем речь! Записывай мой личный номер! Хотя нет! Не дам я тебе ничего. Если у тебя будет мой телефон, я буду ждать, что ты первый позвонишь. И очень расстроюсь, когда этого не произойдет.

Вытянувшись в постели, Северина неожиданно засмеялась. Давно у нее не было такого прекрасного настроения.

Кажется, ей больше не нужно сокрушаться о том детстве, которого у нее никогда не было. Это как боксерский матч. Сначала долгий и унылый поединок, противник теснит, тебе тяжело и больно, и не веришь в счастливый исход. Но вдруг неожиданно отправляешь соперника в нокаут! Ты победил! И теперь вспоминаешь всю игру совсем с другим чувством...

Она потянулась к сумочке и достала белый прямоугольник. Кроме телефонных номеров, там было указано, что Леша – начальник факультета Военно-космической академии имени Можайского. В просторечии – Можайки.

Вдруг он – космонавт? Северина хихикнула. Господи, как давно она не веселилась наедине с собой!

Накинув любимый махровый халат, Северина спустилась в кухню. Постройкой и обстановкой дома занимались родители, но свое любимое помещение она оборудовала сама. Темная мебель из мореного дуба, медные тазы для варенья, развешанные по стенам, и мраморный пол многим казались мрачными, но Северина, входя в кухню, каждый раз с удовольствием думала: «Как у меня здесь красиво!»

Став, как культурно выразился сегодня Леша, бизнес-леди, первое, что она сделала – выкинула весь эрзац, оставив только памятные вещицы. Если посуда, то фарфор, если приборы – то серебро, и так далее.

Но была одна вещь, которую Северина не выносила больше, чем эрзац, – это антиквариат. Она не могла пользоваться вещами, побывавшими в чужих руках. Увидев как-то старинный серебряный чайник, Северина обомлела от его красоты, сфотографировала и заказала такой же, хотя покупка антикварного обошлась бы дешевле. Да и выглядел он все равно солиднее своей современной копии...

Манерно придерживая крышечку, Северина налила чай и представила, как напротив сидит Тоборовский. Что с ней? Она тысячу лет не мечтала!

Странно, она-то думала, что прикосновение к прошлому вгонит в жестокую депрессию, а вышло наоборот. Откуда взялся этот азарт в ее равнодушном сердце?

Последние годы она жила уныло. Не радовали ни успехи в бизнесе, ни деньги, получаемые в результате этого успеха. С каждым годом дело становилось все стабильнее, элемент риска сводился почти к нулю. Благодаря разумной финансовой политике нищета не грозила ей даже в случае банкротства, а привычки к роскоши она так и не завела.

Управленческие решения, смелые авантюры – все, что увлекало ее в начале карьеры, стало рутиной. Приелись и развлечения. Несколько лет назад Северина заметила, что фильмы раздражают ее, она не погружается в происходящее на экране, а хладнокровно наблюдает за попытками артистов изображать те или иные чувства.

С раннего детства она обожала читать. Не так самозабвенно, как Тоборовский, но все же каждый день предавалась этому занятию. Теперь книга, даже самая интересная, не могла захватить ее. Она, скорее по привычке, чем из интереса, одолевала несколько страниц и откладывала томик.

Путешествия не привлекали совершенно. Столько пришлось помотаться, открывая точки в разных городах, что теперь Северину охватывало уныние при одной мысли о самолетах и гостиницах. Нет, жизнь решительно не приносила радости.

А сейчас скука отступила, пусть под влиянием недостойных чувств. Ну и что? В конце концов, уныние – смертный грех, а злорадство – нет.

Так, может быть, одержать еще одну победу? Когда-то она была нокаутирована, но поднялась. И имеет право на матч-реванш.

Инга вышла из операционной только в четыре и, морщась от усталости, почти на ощупь отправилась к себе в кабинет. Глаза после микроскопа отказывались смотреть на мир.

Рабочий день закончился, но Грегори нужно забрать из спортшколы только в шесть. Есть целый час, чтобы восстановить силы. Она собиралась посидеть в тишине с чайными компрессами на глазах, но быстро поняла, что этот план реализовать не удастся. Под дверь кабинета маялся доцент Побегалов с кожаной папкой в руках.

Все понятно. Типичная манера непризнанных гениев и просто самолюбивых людей, которым не удалось занять руководящую должность. Спорить с начальником по каждому поводу, а если вдруг не удастся отвертеться от задания, выполнять его геройски, таким образом, чтобы начальник мучился острым чувством вины. Доцент писал обзор литературы для их статьи и воткнул туда все, что знал по хирургии кисти. Инга попросила переделать сообразно с объемом и предметом исследования и дала сроку целую неделю. Совершенно незачем являться на следующий день, якобы ты ночь не спал, работал и теперь поджидаешь самодурку-начальницу, когда спокойно мог бы идти домой.

подавив вздох, Инга впустила его в кабинет и нажала на кнопочку чайника. Что ж, для двух глаз нужны два пакетика...

Весь коллектив считал доцента Побегалова занудой, кем он, безусловно, и являлся, но Инга обожала этого высокого рыжего мужчину. Иногда он, не выходя из образа скучного педанта, говорил такие остроумные вещи, что просто не верилось. Особенно к месту это бывало в ночные пятничные дежурства, когда медики просто захлебывались в потоке пьяных, травмированных или заболевших. Невозмутимый доцент высился в человеческом водовороте, как утес. Вот являлся гражданин со сломанными ребрами.

- Что случилось? - спрашивал Побегалов.

- Ударился о парапет.

- Угу. А парапет к нам, видимо, попозже зайдет.

Или вариации на тему клятвы Гиппократата. Большинство людей сейчас желает, чтобы медики выполняли их самые нелепые капризы, мотивируя свои требования именно этой клятвой. Но, поскольку налицо не только моральная, но и интеллектуальная деградация, мало кто правильно называет имя великого врача древности. Доктора присягают и Герострату, и Пифагору, и Демократу, и

Гепарду, и бог знает кому еще. А когда пациент сказал Побегалову, что тот давал клятву Домкрату, тот сказал: «Тсс! Гиппократ – это в медицине тот-кого-нельзя-называть».

Инга ни разу не видела, чтобы он потерял самообладание, а несколько лет назад и вовсе произвел революцию в ее сознании. Однажды заболел хирург из их поликлиники, и потребовалось временно посадить кого-то на прием. Жребий пал на Побегалова, который тогда трудился дежурантом и в часы работы поликлиники был свободен. Подобные штучки вообще противоречат трудовому законодательству, никто не может заставить человека работать больше, чем на ставку. Существует перевод по производственной необходимости, но в таком случае с доцента должны снять все дежурства. Естественно, делать этого никто не собирався, бедному Побегалову предстояло пахать и там и тут. Доцент, впрочем, не сильно возмущался, поскольку подобная практика достаточно распространена в медицине. Но неожиданно его поймала заместительница, контролирующая выписку больничных листов, и потребовала, чтобы он сдал ей зачет по бюллетеням. Мол, в стационаре врачи не умеют выписывать больничные, а в поликлинике – это их основной хлеб. Побегалов задумался. Вздохнул. Почесал в затылке. «То есть вы хотите сказать, если я зачет не сдам, то в поликлинике работать не смогу?» – спросил он своим скучным голосом, и больше к нему никто с этим вопросом не подходил.

Инга, обладательница ярко выраженного комплекса отличницы, пришла в замешательство. Как так? Это же заместитель главного врача! Нужно выполнять указания руководства, пусть они и кажутся идиотскими! Руководитель старше и опытнее, и, вероятно, умнее, у него есть стратегический план, а твое дело – в рамках этого плана решать тактические задачи, которые перед тобой поставят. Да просто невозможно не слушаться!

А этот эпизод разом перевернул ее мировоззрение.

Улыбнувшись собеседнику, она быстро пробежала глазами текст. Хорошо, что он распечатал на бумаге и крупным шрифтом, с экрана Инга сейчас читать бы не смогла.

– Превосходно, – сказала она искренне.

– Спасибо. По зрелом размышлении я нашел ваши замечания абсолютно справедливыми и с удовольствием привел работу в соответствие с ними.

– А...

От витиеватых речей доцента ее потянуло в сон.

– Кстати, Инга Валерьевна, слышали последнюю врачебную тайну?

– Нет, откуда?

Она пожала плечами. Удивительно, Побегалова никто особенно не любит, он кажется замкнутым и нелюдимым, а узнает обо всем первым. А Инга вроде бы дружелюбная, но никогда ничего не знает.

– Ректор собирается на пенсию, и знаете, кого прочат на его место?

– Понятия не имею.

– Наше молодое дарование, профессора Волчеткина!

Инга вздрогнула и едва не покраснела. Покосилась на доцента. Нет, кажется, обычный брюзгливый вид. При мыслях о греховной связи у него в глазах появляется эдакая ленинская хитринка, а сейчас ее нет. Хорошо же они с Русланом маскируются, если даже этот великий сплетник не догадывается об их отношениях.

– Неожиданная новость, но, с управленческой точки зрения, решение правильное. Волчеткин молодой, инициативный, с опытом руководящей работы. Прекрасный кандидат. – Инга очень надеялась, что ее голос звучит равнодушно.

Побегалов, недолюбливавший Руслана, ждал от нее, наверное, другой реакции. Ну да, обидно сознавать, что сопливый аспирант, пришедший на кафедру, когда ты уже был доцентом, вдруг становится руководителем. А ты как был доцентом, так и остался.

Он довольно кисло попрощался и ушел, а Инга прилегла на кушетку с чайными пакетиками на глазах. Не хотелось признаваться себе, но мысль о предстоящем назначении Руслана вызвала у нее не радость, а тоску. Как это отразится на их отношениях? Вдруг Руслан подумает: «Что позволено профессору, не позволено ректору» – и разорвет с ней связь? Внимания к его персоне станет больше, он будет все время на виду. Когда они смогут выкроить время для свиданий? Если сейчас они запросто бегают друг к другу попить кофейку, и это никого не настораживает, то после назначения Руслана они не смогут видеться в течение дня, слишком разным станет их служебное положение.

Исчезнет даже жалкая иллюзия совместной жизни, которую она поддерживает общением на работе. Останутся еженедельные встречи в Ингином доме, которые скоро превратятся в удовлетворение физиологической потребности для Руслана и в унижительную повинность для нее.

Сейчас она должна ощущать радость и гордость за любовника, но вместо этого настроение совсем испортилось. И от предчувствия, что Руслан предаст ее ради должности, и от осознания собственного эгоизма. Прекрасный карьерный рост, великолепный шанс для любого мужчины! Надо прийти в восторг, она же любит Волчеткина – значит, желает ему самого хорошего.

Ах, если бы она была его женой!

Инга представила себя на приеме по случаю вступления в должность. Вот она, в длинном шелковом платье, с высокой прической и букетом в руках, встречает гостей. Улыбается мужчинам, не касаясь, целует женщин... Госпожа ректорша...

Картинка получилась такой яркой, что Инга скрипнула зубами.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, она взяла планшет и зашла на сайт «Северина». Инга не создавала себе кумиров, но почему-то симпатизировала этой женщине, с нуля поднявшей такой колоссальный бизнес.

Инга не любила готовить и частенько заказывала еду из «Северины», которую они с Грегори поглощали с огромным удовольствием. А рецепты тех ужинов, которыми она пыталась кормить Руслана, были почерпнуты из кулинарной передачи «Северина на кухне».

Так получилось, что она с детства привыкла к спортивному стилю в одежде. Всякие там оборки, цветы, кружева и рукава-фонарики считались в семье ужасающей пошлостью. Теперь же Инга надолго застревала возле витрин недавно открытого модного дома «Северина», с восторгом разглядывая образцы этой пошлости.

В «Северине» создавали одежду для обычных женщин, без особых изысков, но Инге ужасно нравились эти кофточки и платья.

Кроме приятного вида вещи были еще непривычно хорошего качества и стоили недорого по сравнению с аналогами из бутиков. Соответственно, в «Северине» ходила вся страна, ассортимент там был достаточно богатый, чтобы не бояться выглядеть «инкубаторскими».

Но Ингу каждый раз от покупки удерживало сознание, что придется полностью менять гардероб. Понадобятся соответствующие туфли и сумочка, и все остальное. В результате выйдет не та сумма, которую одинокая мать может себе позволить.

Включив запись последнего интервью Северины, Инга закрыла глаза. У этой женщины было еще одно редкое в нынешнее время достоинство – культура речи. Слушать ее было приятно, независимо от того, о чем она говорила.

Дослушав до конца, Инга улыбнулась. Любимое дело и удача... Да, пожалуй, универсальный рецепт успеха. Ее собственная трудовая биография подтверждает этот тезис Северины, пусть и не в таких ошеломляющих масштабах.

Какое удивительное творение природы – человеческая рука. Тончайший инструмент, способный создать все что угодно, и в то же время чудесный проводник любви и добра. Для Инги с детства руки человека были важнее, чем его лицо, именно по ним она составляла впечатление. Недаром художники за портреты «с руками» запрашивали гонорар вдвое больше. И Руслана она полюбила, увидев его крупные сухие кисти...

Поступив в медицинский институт, в общем, случайно, она всерьез заинтересовалась строением человеческой руки. В том, что все студенты воспринимали как сложный раздел анатомии, ей виделась поэзия, и знания

ложились на ум словно сами собой, как плохие стихи, которые запоминаются раз и навсегда.

После первой сессии она стала заниматься на кафедре общей хирургии у пожилой дамы-доцента, специализировавшейся в хирургии кисти. На третьем курсе опубликовала первую научную работу, к шестому – создала «задел» для будущей кандидатской.

Инга усмехнулась. Любимое дело и удача – это да, но нельзя забывать еще один секретный ингредиент. Как знать, удалось бы ей поступить в аспирантуру, если бы не роман с заведующим кафедрой? Нет, она была достойна этого места по всем параметрам, но, не будь этих отношений, ее могли бы оставить за бортом. С другой стороны, любовь к начальнику разрушила слишком многое в ее жизни, чтобы считаться удачей.

Судьба улыбнулась ей позже, когда аспирантура подходила к концу и Инга готовилась стать ассистентом кафедры. Прекрасная перспектива для молодого врача, но Инга пребывала в унынии, чувствуя, что жизнь повернула куда-то не туда. Тягостные и бесперспективные отношения, которые оба называли любовью, оправдывая этим измену и ложь. Положение вечной студентки. Научная руководительница научила ее многому, и Инга была благодарна ей от всего сердца, но... Несмотря на то что Инга умела теперь все то, что и наставница, и даже несколько больше, ей предстояло ходить в ученицах, пока та не уйдет на пенсию. Чем меньше доцент оперировала сама, тем больше и напористее она контролировала Ингу. Кроме того, с возрастом у руководительницы появилась излишняя консервативность, она накладывала вето на новые методики, которые ученица хотела бы внедрить. Инга ценила свою наставницу, ценила ее огромный опыт, но, видимо, как для родителей дети всегда остаются детьми, так и для учителей ученики всегда остаются учениками.

Поскольку Инга начала заниматься хирургией на первом курсе, а не в интернатуре, как большинство однокурсников, она была уже состоявшимся и самостоятельным специалистом, когда те только учились держать скальпель. И было непонятно, что, оставшись на кафедре, она скоро потеряет это преимущество, станет такой же, как другие, тут она достигла потолка, и останется только ждать, когда ребята к ней подтянутся.

Пребывая в унынии, Инга заступила на суточное дежурство, обязательную повинность для всех аспирантов. Клиника не относилась к больницам скорой помощи, поэтому тут не бывало большого наплыва больных и пострадавших. По договоренности с ближайшей подстанцией, привозили пару аппендицитов «для учебного процесса», а в основном работа сводилась к вечернему обходу и измерению давления у бабушек.

Часам к восьми дежурные хирурги садились ужинать с вином, а Инга падала на койку за шкаф. На нее не обижались: дежурство – единственная возможность выспаться для молодой одинокой матери.

Но в этот раз что-то пошло не так. На ближайшем перекрестке произошла крупная авария, и пострадавших, недолго думая, доставили к ним в приемный покой. Каким-то чудом рядом оказались адекватные граждане, сумевшие быстро сориентироваться на местности.

Итак, перед дежурной бригадой встала задача оказать помощь сразу семи пострадавшим. К этому никто не был готов, в их тишайший приемник не поступало больше одного пациента за раз.

По идее, ответственный должен был все организовать, но он сразу схватил тяжелого больного и убежал в операционную вместе со вторым хирургом. Остальные тоже как-то растерялись, и пришлось распорядиться Инге. Вспомнив курс организации и тактики медицинской службы (вот уж не думала, что пригодится), она распределила пострадавших по тяжести состояния. Диагностировав внутрибрюшное кровотечение, она вспомнила, что одна из постовых сестер – в прошлом операционная, и направила ее быстро открыть второй блок. Больного отправили туда в сопровождении третьего хирурга и терапевта, которому Инга присвоила статус ассистента, несмотря на яростное сопротивление. Сама осталась в приемном покое зашивать раны и оформлять истории. У одного пострадавшего оказалась травма кисти, и он думал, что пальцы придется отнять. Обычные травматологи так бы и поступили, но Инга предложила «попробовать сохранить».

Оказав всем первую помощь и убедившись, что состоянию пациентов ничто не угрожает, она приступила к реконструктивной операции.

Инга выбрала проводниковую анестезию, больной оставался в сознании, поэтому они успели познакомиться и даже немного подружиться.

Через неделю пациент пришел к ней на контрольный осмотр, но вместо дежурных конфет предложил место заведующей отделением хирургии кисти в одной из ведущих клиник города. Он оказался крупным чиновником и устроил ее судьбу как по мановению волшебной палочки. «Я разбираюсь в людях, – сказал он, – неизвестно, кому я оказал большую услугу, вам или клинике».

Чиновник сделал ей еще один царский подарок. Ее кандидатская была на ученом совете сочтена такой важной и фундаментальной работой, что Инге сразу присвоили звание доктора наук. Беспрецедентный случай в медицине.

Инга тяжело вздохнула, вспомнив ощущение тоски и пустоты, охватившее ее после защиты. Вот я доктор наук, и что? Счастья как не было, так и нет. Ученая степень не обнимет вечером, не скажет: не бойся, малыш, я все решу...

Стоило столько работать ради этого... ничего!

Если бы новые подчиненные знали, как тяжело у нее на душе! Как она заставляет себя улыбаться, когда хочется рыдать, как приходится до боли сжимать кулаки, чтобы не схватить телефон и не позвонить любимому человеку. Инга решила, что переход на другую работу – хороший повод прекратить связь, не имеющую перспектив, и, наконец, устроить свою судьбу. Разве она думала, что наступит на те же грабли!

Очень плохо тогда было молодому доктору наук, но она сумела взять себя в руки. Она состоялась как врач и как ученый, теперь предстояло освоить роль управленца.

Сама модель хирургического коллектива – одна звезда и «мои помощники» – казалась ей порочной. Инга учила своих докторов всему, что знала, и позволяла им выполнять самые сложные вмешательства, стоя на ассистенции. Как говорится, делегировать полномочия, но не ответственность. В числе прочих ингредиентов успеха Северина назвала бережное отношение к людям. Искренними ли были ее слова или это пресловутая «корпоративная этика», бог весть. Инга была согласна с бизнес-леди в том, что к сотрудникам надо относиться с уважением и справедливостью, но и только. Тезис «незаменимых

нет» она в целом считала справедливым. Конечно, все люди разные, и, чтобы управлять людьми, нужно их знать. И не только их возможности, но и особенности и предпочтения. Например, один доктор готов часами задерживаться на работе, лишь бы его никто не торопил, а другой – быстрый, энергичный, все переделает, но каждая минута, проведенная на службе сверх рабочего времени, для него мучительна. Просто нужно каждому поручить тот круг обязанностей, которые у него получаются. А когда у человека что-то хорошо получается, он делает это с удовольствием.

За несколько лет она подняла свое маленькое отделение до статуса городского центра хирургии кисти. К ним стремились, и если не было очереди пациентов на полгода, то только потому, что Инга старалась ее не создавать. При грамотной организации можно успеть все. Возможно, у истоков дела действительно должны стоять уникальные специалисты, самозабвенно преданные делу, но в дальнейшем для процветания предприятия лучше организовать все так, чтобы любого человека можно было заменить в любой момент.

Кроме клинических и научных достижений центру хирургии кисти сопутствовал еще и финансовый успех. Это было самое прибыльное подразделение в клинике, поэтому администрация любила Ингу и всегда шла ей навстречу. Стажировки, современное оборудование, расходные материалы – все предоставлялось по первому требованию, ибо «отобьется».

«Всего у меня в избытке, – думала Инга, – кроме счастья».

Раз в неделю Александра обязательно приезжала в город. Муж завозил ее домой по пути на службу, а вечером забирал. Кроме домашних дел у нее были обязанности старшей по подъезду, которые она возложила на себя несколько лет назад и выполняла с удовольствием. В их «сталинском» доме подобралась очень приличная публика, без этого «советского» страха – не дай бог случайно сделать что-то хорошее для другого человека. Всем хотелось, чтобы в подъезде было чисто и приятно.

Уловив эти настроения, Александра, как домохозяйка, взяла дело в свои руки. Сначала появилась консьержка, потом сделали нормальный ремонт.

На лестничных клетках прижились растения – те, которые Александра опасалась заводить в квартире из-за крупных размеров. Гранаты, китайские розы, фикусы и агавы разрослись лучше, чем дома. Быстрее и пышнее цветы росли только в рентгеновском отделении клиники мужа.

По стенам висели разные репродукции, а в холле стоял стеллаж, где жильцы организовали что-то вроде библиотечки.

Входя в дом, Александра всякий раз чувствовала удовлетворение. Настоящий европейский шик, образец для подражания.

Она пешком поднялась к себе на шестой этаж. Цветы растут очень буйно – просто ботанический сад. Смотреть приятно, но ухаживать за ними становится все сложнее.

А вдруг на следующей неделе ей не захочется приезжать? Вдруг наступит такая жара, что одна мысль о раскаленной машине и выхлопных газах вызовет дурноту? А хоть бы и нет, забот хватает и без того, чтобы бегать по этажам с лейкой. В конце концов, она жена профессора, а не прислуга.

Александра приготовила себе кофе, задумчиво помешала его, хотя всегда пила без сахара. Когда она только начинала кампанию за благоустройство подъезда, возня с цветами выглядела уместно. Теперь это немножко выходило за границы обычного хобби.

Поправив волосы и растянув губы в неискренней улыбке, она спустилась этажом ниже и позвонила в старую, еще деревянную дверь.

Та резко отворилась, и на пороге показалась долговязая женщина с помятым лицом. Увидев Александру, она молча повела подбородком и осталась стоять на пороге.

Александра поздоровалась и, сообразив, что приглашать ее в дом не собираются, продолжила:

– У меня есть к вам предложение.

- Опять? Я уже сказала, что ничего не стану сдавать на ваши идиотские затеи!

- Нет-нет! Напротив, я хотела предложить вам заработать. Нужно заботиться о цветах в подъезде. Поливать, подкармливать по графику, словом, ничего сложного. Все займет не больше двух часов в неделю, и я, конечно, подскажу, что надо делать.

- Нет!

- Простите?

- Не буду. Я цветы не люблю.

- Но, насколько мне известно, вы нуждаетесь в деньгах, а тут такой необременительный заработок...

- Не ваше дело.

Александра почувствовала, что начинает злиться. Эта женщина одна тащила двоих детей и престарелую мамашу на зарплату то ли медсестры, то ли воспитательницы. Александра с пониманием относилась к тяжелым жизненным обстоятельствам соседки и не настаивала, когда та отказывалась сдавать деньги на подъезд. Более того, она делилась с ней старыми Катюшиными вещами, а Виктор помог, когда старушку госпитализировали.

- Послушайте, но вы тоже живете здесь. Хоть как-то поучаствуйте...

Соседка фыркнула:

- Какие ко мне претензии! Коммуналку я оплачиваю в срок, а вся эта фигня мне не нужна. Мало ли что вам еще в голову взбредет... Скажите спасибо, что я позволяю тут держать ваши горшки. Они пол-лестницы занимают, повернуться негде, а я терплю.

- Но...

- Оставьте меня в покое! Я ничего вам не должна.

И тетка довольно бесцеремонно захлопнула дверь.

Вздыхнув, Александра пошла за лейкой. Как говорится, цветы сами себя не полиют.

Она занималась цветами, и за этой механической работой разговор с соседкой почему-то не шел из головы. Как можно быть такой наглой и неблагодарной особой? Хотя это так типично для некоторых людей – считать, что все им должны.

Александра посмотрела в окно и неожиданно увидела Катю, медленно бредущую домой. Сердце екнуло, по всей фигурке и несвойственной дочери вялой походке было ясно – случилось что-то нехорошее. Александра сбегала вниз и обняла Катю. Та плакала.

– Катюша, солнышко, что случилось?

Дочь только всхлипнула.

– Говори скорее!

От плохого предчувствия подкосились ноги. Должно было произойти что-то действительно страшное, чтобы довести до слез уравновешенную и оптимистичную Катю.

– Мне отказали... Должны были подписать контракт на днях, а сегодня позвонили и сказали, что взяли другую актрису.

Александра подавила вздох облегчения. Главное, все живы и здоровы, а сериал – дело наживное.

Они поднялись в квартиру. Александра уложила дочь на диван и укрыла пледом. Взяла в свои ладони ее безвольно повисшую руку, поцеловала. Как она любила эту маленькую ручку!

Обычно, если оба родителя красивы, дети получаются невыразительными. Александра знала об этой особенности природы и хотела, чтобы родился мальчик, для которого блеклая внешность не станет большой проблемой. Но появилась Катюша и сразу развеяла все опасения.

К шестнадцати годам она стала такой красавицей, что Александре иногда становилось страшно. Ей казалось, что дочь слишком хороша для этого мира.

Самый распространенный стереотип, что красивая женщина обязательно глупа, тоже был не про Катю.

Девочка хорошо училась и собиралась в медицинский, по стопам отца, но неожиданно попала в театральный институт, ради забавы отправившись с подружками на прослушивание.

В прошлом году она получила диплом, поступила в один из ведущих театров, правда, пока была занята только в эпизодах. А недавно прошла кастинг на главную роль в новый сериал. И вот, когда, казалось бы, все решено, ей объявляют, что на роль берут другую. Если бы отказали сразу! Но дочь целый месяц жила в предвкушении интересной работы! Сериал готовился для центрального канала – значит, после показа Катя сразу стала бы артисткой с именем. У нее появилась бы уверенность в завтрашнем дне, а теперь вдруг объявляют, что ничего не будет! Все снова надо начинать сначала. А как будут злорадствовать коллеги в театре, просто страшно подумать!

Александра погладила дочь по спине. Как жаль, что прошли те времена, когда она могла ее защитить и утешить! Когда материнские объятия уберегали Катюшу от всех опасностей этого мира... Теперь не скажешь: «Это горюшко не горе» – и не поведешь дочь в магазин игрушек, глядя, как быстро высыхают слезки на щеках при виде новой куклы!

Когда Александра сталкивалась со сторонницами сурового воспитания, ей всегда хотелось сказать: это так быстро проходит! Оглянуться не успеете, как ничего не сможете сделать для ваших детей. Пользуйтесь моментом, пока в ваших силах подарить им счастье.

– Принести тебе водички? Или чайку?

Дочь только плакала, уткнувшись лицом в подушку.

– Я позвоню сейчас отцу. Полгорода ему обязаны, найдет административный ресурс.

– Нет! – всхлипнула Катя. – Мне дали понять, что там серьезные люди. Мы только поставим папу в неудобное положение.

Александра вдруг подумала, что готова поставить Витю в любое положение, лишь бы только дочь была счастлива. Недостойная мысль для хорошей жены, с усмешкой подумала Александра и потянулась за мобильным, но Катя заметила ее движение и крепко взяла за руку.

– Seriously, мама, не звони, – сказала она глухо.

Поцеловав дочь в мокрую и горячую от слез щеку, Александра пошла за водой и льдом. Артистке нужно беречь лицо.

– Может, оно и к лучшему, Катюша, – сказала Александра мягко, – все же для женщины главное – семья. А если начнешь сниматься, о женихах будет подумать некогда.

Катя всхлипнула последний раз и улыбнулась:

– Мне иногда кажется, что вы с папой израсходовали весь запас личного счастья, положенный нашей семье. На мою долю не осталось...

– Не говори глупости. У бабушки с дедушкой тоже счастливый брак, и Витины родители живут хорошо и дружно. Так что семейное счастье – это у нас наследственное, – засмеялась Александра, – не волнуйся, доченька, все будет хорошо. Надо только знать два секрета.

– Какие еще секреты?

– Я тебе сто раз говорила, но, так и быть, повторю еще. Во-первых, надо выбирать в мужья человека, который любит свою работу. Мысли его будут заняты делом, а не пустым выяснением отношений. А второй секрет: женщина

должна, условно говоря, свить гнездо. Как говорила бабушка, мужчина может уйти от женщины, но из дома – никогда. А вторая твоя бабушка выражалась более прямолинейно: как же он уйдет, если не знает, где лежат его трусы? Вот и вся формула женского счастья.

Катя состроила выразительную гримаску:

– Ничего себе формула – ежедневный адский труд! Но других рецептов, видно, нет. Как фигура. Хочешь быть стройной – всю жизнь ограничивай себя в еде, занимайся спортом и не верь в чудодейственные средства.

Александра кивнула, радуясь, что дочь отвлеклась от своего горя.

– Определенно, тебя бог отвел! – сказала она убежденно. – Еще неизвестно, что они там снимут! Скорее всего, чушь и тоску зеленую. Я ведь домохозяйка, посматриваю сериалы и хочу тебе сказать, что достойных среди них – раз-два и обчелся. Впечатление такое, что сценаристы – это люди, искусственно выращенные на второсортных мелодрамах.

– Мама, виноград, конечно, зелен, но не до такой степени. Самый идиотский фильм лучше, чем ничего.

Александра покачала головой:

– Если ты снимешься в халтуре, то всегда будешь ассоциироваться у зрителей с халтурой и скукой.

– Наверное, ты права. Но именно этот сериал был очень даже неплохой. Я уже приготовилась стать звездой, даже решила, куда потрачу гонорар... И вдруг как гром среди ясного неба!

– Ладно, ладно! Пойдем лучше чайку попьем. Не переживай, Катюша.

– Хорошо, мамуль, не буду. В конце концов, я ничего не потеряла. Все мое при мне.

Александра понимала, что девочка храбрится и просто не хочет расстраивать мать слезами. Может быть, надо поскорее уехать и не мешать горевать.

Она поцеловала Катю в макушку, вдохнув аромат густых русых волос. Сочувствуя дочери, она в то же время подспудно радовалась, что съемки отменились. Это сумасшедшая, потогонная работа, ночные смены, распушенные люди (Александра не была знакома с людьми из киноиндустрии, но почему-то заочно считала их таковыми). А если бы сериал имел успех и к Кате пришла настоящая слава? Посыпались бы новые предложения, бесконечные съемки, где тут думать о семье?! Самое страшное, что девочка может увлечься, окунуться в водоворот пустых страстей, а когда опомнится, будет уже поздно.

Важнее всего на свете любящая семья, это Александра знала твердо. Головокружительный успех, мировая слава, огромные гонорары – все это не имеет никакого значения, если приходит беда. Александра тихонько постучала по ножке стола. Она не относилась к тем родителям, которые с легкостью призывают на голову своего ребенка всевозможные удары судьбы, лишь бы он образумился. Нет, больше всего на свете она хотела, чтобы Катина жизнь была счастливой и безмятежной. Но если вдруг, не дай бог... Рядом должен быть мужчина, готовый разделить с ней горе. Родители не вечны, и вообще, женщине нужен муж, а не папа с мамой.

Кажется, молитвы матери были услышаны. Катя недолго полежала на диванчике, потом ожил ее айфон. Александрю забавляла эта манера молодежи – переговариваться сообщениями. Вот и сейчас дочь села по-турецки, пальцы, как сумасшедшие, порхали по сенсорному экрану, телефон отзывался энергичным «ку-ку», и вот уже слезы высохли, а на губах появилась улыбка.

Вот и хорошо. Можно спокойно ехать на дачу. Среди друзей Катя быстрее развеется. Достав из кошелька пятитысячную купюру, Александра сунула ее под подушку, как прятала для маленькой дочери конфетку или яблоко. Пусть устроит вечеринку по случаю провала или небольшой утешительный шопинг.

Виктор легонько сжал ее колено:

– Не переживай, Сашуля. Им же хуже.

Александра рассеянно кивнула, глядя на дорогу. Редкие и чахлые деревца по обочинам покрылись свежей зеленой листвой, трава поднялась высоко. Скоро появятся первые цветы... Как быстро летит время! Кажется, еще вчера она смотрела на голые ветви, будто нарисованные тушью на тяжелом сером небе, и гадала, доживет ли до следующего лета.

- Это недоразумение, скорее всего, - продолжал муж, - завтра же позвоню и все улажу. Я не последний человек в этом городе, да и объективно лучше нашей Кати им не найти. Она такая у нас талантливая и красивая. В тебя пошла.

Он на секунду оторвал взгляд от дороги и тепло улыбнулся жене. Александра благодарно пожала руку, лежащую на рычаге коробки передач. Как она любила этот несокрушимый оптимизм мужа! Он видел столько человеческих страданий, столько горя, столько примеров, когда неумолимая болезнь перечеркивает все планы, что очень многие вещи казались ему всего лишь мелкими неприятностями. Жизнь - короткая и довольно хрупкая штука, поэтому надо радоваться каждую минуту и беречь друг друга.

Ссоры в их супружеской жизни Александра могла бы пересчитать по пальцам, а такого, чтобы они бойкотировали друг друга, не бывало никогда.

После поворота дорога пошла вдоль берега озера. С другой стороны был крутой косогор. Песчаная почва осыпалась, выветривалась, обнажая корни старых сосен. Кое-где земля настолько просела, что деревья держались в ней самыми кончиками узловатых корней и казались чудовищами, которые сейчас побегут, перебирая корнями, словно лапами.

- Боишься, Сашуля? - как-то она рассказала мужу о своих ассоциациях, и теперь он всегда подшучивал над ней, проезжая этот участок.

Александра улыбнулась.

Все хорошо, откуда же у нее на душе это царапающее беспокойство? Она прислушалась к себе. Может быть, волнуется, что дочь в квартире одна? Конечно же, нет! Катя - здравомыслящий человек и не наделает глупостей, в этом на нее можно положиться. Тогда в чем дело? Откуда это ощущение?!

Разговор с соседкой? Ну да, обидно, что за хорошее отношение в ответ получаешь хамство, но, живя в нашей стране, пора привыкнуть к такому порядку вещей. Многолетняя практика Вити это подтверждает. Он говорит, что именно пациенты, в которых вкладываешь душу и которых буквально спасаешь от смерти, строчат жалобы на докторов. Мораль сказки про аленький цветочек только одна, назидательно заметил Виктор, если ты спасаешь человека от верной гибели, делишься с ним кровом и пищей, он обязательно заберет у тебя самое дорогое. Во всяком случае, плюнет в душу.

Соседка ее несомненно обидела, но тревогу вызвало что-то другое.

Нахмурившись, Александра перебрала в памяти весь сегодняшний день. А, вот оно! Фраза дочери о том, что они с Витей вычерпали весь лимит семейного счастья. Неужели это правда? Если подумать, они поженились на первом курсе, а Катя окончила институт и все еще не замужем.

Александра вздохнула. Ее жизнь была слишком безмятежной и счастливой для реальности и слишком скучной для сказки. Неужели она обокрала свою дочь?

От этой мысли стало так грустно, что она едва не расплакалась.

Александра родилась, что называется, с серебряной ложкой во рту. Ей посчастливилось появиться на свет в любящей и счастливой семье. Родители обожали единственную дочь, при этом ухитрились не испортить ее своей любовью. Александра вспоминала раннее детство, как чудесную сказку, в душе до сих пор жило чувство волшебства в новогодние сумерки.

Красивый ребенок, она со временем превратилась в красивую девочку, а потом девушку. У нее была немножко старомодная красота, безупречный овал лица и высокие скулы. Друзья родителей находили, что она похожа на Грету Гарбо, а Александра переживала, потому что в моде были сдобные мягкие мордашки с высоким начесом.

И все же она считалась в классе первой красавицей. Отец служил секретарем горкома партии, имел доступ к «дефициту», и Александра была всегда одета, как куколка, что в те времена имело колоссальное значение. Красавица, умница, из хорошей семьи, что еще нужно?

Родители привили ей хорошие манеры. Вспоминая свое прошлое, Александра могла поклясться, что не была ни заносчивой, ни высокомерной. Со всеми сложились ровные отношения, но даже задушевной подруге Лидке она стеснялась открывать душу. Александра считалась яркой девочкой, заводилой, и мало кто знал, что больше всего ей нравится сочинять истории и записывать их в специальную тетрадку. В шестом классе она, смущаясь, показала свои сочинения родителям. Папа отдал ее рукопись машинистке и переплетчику. Так появилась почти настоящая книга «Приключения Ани». Истории про обычную школьницу с удовольствием читали все подружки Александры и даже учителя. Успех окрылил ее, и продолжение последовало довольно быстро. Но за это время подружки выросли, у них появились совсем другие интересы, а в восторгах учителей Александре чудилась фальшь. Как взрослые натушно восхищаются корявым детским рисунком. Но она тоже выросла, перестала быть ребенком, и умиление больше не было ей нужно. Мама сказала, что писательство вообще очень ненадежное дело, слишком богемная специальность для женщины. Нужно выбирать профессию, которая не помешает выполнить основное женское предназначение – жены и матери. Александра была с ней согласна, и на этом литературную карьеру забросила. Может быть, зря? В ее жизни было много счастливых минут, но иногда она думала, что самую чистую радость испытала, когда сидела вечерами за письменным столом и в уютном круге света от настольной лампы сочиняла «Приключения Ани».

Кроме того, в школьные годы Александра серьезно занималась танцами, но папа настаивал, чтобы она вела общественную работу. Мол, это хорошо для будущего. Да и ему не придется краснеть, рассказывая сотрудникам об успехах любимой дочери.

К сожалению, в ее время пионерская и комсомольская работа была настолько формализована, что система сама отторгала людей со здоровой психикой и моралью. Понимая этот кризис, папа устроил Александре протекцию в знаменную группу. Почетная должность, не требующая никакого насилия над собой.

Будучи крупным партийным руководителем, папа, по его собственному выражению, «работу на дом не брал», то есть не вел в кругу семьи политических бесед, а мама была папиной женой и не задумывалась над такой ерундой, как устройство общества.

Но Александра, сколько себя помнила, считала строительство коммунизма дикой глупостью. Детским здравым смыслом она улавливала, что взрослые занимаются какой-то бессмысленной и опасной деятельностью, но почему-то это ощущение никак не влияло на ее отношения с папой. Он был самый лучший, и все.

Неприятие официальной идеологии не привело ее к бунтарским идеям, как некоторых одноклассников. Тогда многие в поисках духовных опор прибились к запрещенному Ленинградскому рок-клубу. Александра не заразилась эпидемией протеста, хотя иногда тайком слушала кассеты, позаимствованные у подружки Лидки. Была одна группа, песни которой бередили спокойную душу Александры, оставляя чувство томительной пустоты и тревожного ожидания чуда. Точнее, не сама группа, а ее лидер, высокий сухопарый юноша. Один раз она потратила все карманные деньги, купив у Лиды подборку фотографий, для конспирации пришлось взять фото нескольких групп, чтобы проницательная подруга не догадалась о ее влюбленности. Вечерами Александра тихонько включала магнитофон, слушала музыку и вглядывалась в фотографию фронтмена, сочиняя романтическую историю любви, которая никогда не сбудется.

Она была приличной девочкой, конформисткой, прекрасно понимающей, что нужно не менять мир, а занять в нем достойное положение.

Знаменная группа – это три человека: как правило, две девочки и крепкий парень-знаменосец. Он проносит на торжественных мероприятиях флаг школы, а девочки маршируют рядом, держа руку в пионерском салюте. Потом знамя водружают рядом с президиумом, и все трое стоят по очереди в почетном карауле, пока идет собрание. А потом: «Равнение на знамя!» – и уход тем же порядком.

Когда Александра перешла в десятый – тогда выпускной класс, – старый знаменосец окончил школу, и на его место назначили Виктора, новенького юношу, семья которого по служебной необходимости переехала из Москвы.

Новичок сразу привлек всеобщее внимание. Уже в годы ранней юности, когда большинство парней выглядят как эскиз своего будущего облика, Витя был настоящим красавцем. Когда он в парадной форме, с прекрасной выправкой, чеканя шаг, проносил знамя на линейке, то, пожалуй, был единственным аргументом, способным зажечь пламя коммунистических идей в девичьих сердцах.

Александра встретила Виктора приветливо, но равнодушно. Он тоже был слишком дружелюбным, чтобы заподозрить влюбленность. В тот год система, видимо, предчувствуя скорый крах, переживала пароксизм идеологической работы. Знаменную группу постоянно дергали на какие-то линейки, сборы, торжественные заседания, собрания ветеранов и т. д. Ребята много времени проводили вместе, и Александра узнала, что Витя не только очень красивый, но еще умный, энергичный и целеустремленный человек. Он мечтал стать врачом, как его родители, упорно готовился к поступлению в институт и злился, что прогулки со знаменем отнимают столько времени. Но это было необходимо для хорошей характеристики.

О своем будущем Александра не волновалась. Во-первых, ей было все равно, чем заниматься, во-вторых, папа устроит ее в любой институт. Она хорошо танцевала, обладала не очень сильным, но приятным голосом и музыкальным слухом, и вкупе с интересной внешностью это сулило успех на актерском поприще.

Устроить дочь в театральный было вполне в папиных силах, но мама сказала категорическое «нет». «Артистке не видать семейного счастья!» – заявила она, процитировав известную фразу Раневской, мол, поклонников толпы, а в аптеку сходить некому. Творческие профессии не для порядочных женщин. Подумав, папа с ней согласился, а вслед за ним и Александра. Она иногда выступала на школьных концертах, танцевала и пела и имела успех, но это никогда не вызывало у нее того душевного подъема, без которого нет настоящего артиста.

Самые подходящие профессии для женщины – это врач и педагог. Естественные науки Александру не прельщали, поэтому она решила стать учительницей. Так случилось, что преподавательницы русского языка и литературы в ее школе выглядели бесформенными клушами, а математички и англичанки были элегантными женщинами. Поэтому Александра выбрала специальность учителя математики.

Ей было неудобно идти в университет. Как-то стыдно со своими рядовыми способностями занимать место настоящего таланта только потому, что папа – секретарь горкома партии, и Александра готовилась в педагогический, не слишком усердствуя. Нужно было фантастическое стечение обстоятельств, чтобы она провалилась.

Тем с большим уважением она наблюдала за тем, как Виктор использует каждую минуту для подготовки.

Несмотря на выпускной класс, ребята больше думали о любви, чем о будущей профессии. Влюбленность носилась в воздухе, как вирусы гриппа во время эпидемии, и Александра волей-неволей подхватила эту болезнь. Она прекрасно помнила день, когда сказала себе: надо и мне влюбиться. Был март, она смотрела в окно на умытое ясное небо, на серый ноздреватый снег и сосульки, блестящие в лучах солнца. Да, пора спрятать фотографии этого страшного рокера, или лучше подарить девчонкам-фанатам, перезаписать кассету и полюбить живого человека. Надо влюбиться в Витю. Александра надела джинсы, фирменную куртку «Адидас» и красные, в цвет сумки, резиновые сапоги. Это был последний писк моды. Сумка называлась «банан», а сапоги – «бахилы».

Сейчас Александра сгорела бы со стыда, заставь ее кто-нибудь появиться в таком виде, но тогда ужасно гордилась собой.

Она шла по улице, бесстрашно наступая в лужи и подставляя лицо солнечным лучам. Кровь кипела от радости. Она нашла свое предназначение в жизни. Полюбила Витю.

Потом было все, что сопутствует первой любви. Замирание сердца, неловкость, слезы. Попытки разгадать взгляд или жест, увидеть в нем смысл, который объект любви в него не вкладывал. Очень плохие стихи. Вселенская тоска и прочее...

Александра мучилась целый месяц, но чувствовала, что именно эти переживания придают жизни смысл. Некоторое утешение приносила только кассета любимого рокера.

Она с ужасом думала, что будет, если Витя полюбит другую девочку, и ревниво следила за ним. Вите достаточно было дать кому-нибудь списать «домашку», чтобы Александра начинала хоронить себя.

Да, времечко было жуткое. Многие посмеиваются над своей первой любовью, но Александра слишком хорошо помнила, как страдала тогда. Она вспоминала эти дни своей юности с тем же чувством, с каким ветераны войны думают о самых

горячих сражениях. Запоздалый ужас и изумление, что выжил.

Жутко подумать, что жизнь могла сложиться иначе! Если бы не тот апрельский вечер, когда они, продрогшие и с мокрыми ногами, вернулись с торжественной линейки районного масштаба, проводившейся почему-то в сквере, возле памятника героям.

Все устали, хотели есть, поэтому быстро разбежались, а Александра с Витей остались зачехлять знамя.

В школе было непривычно тихо, спустились сиреневые весенние сумерки. Не говоря ни слова, ребята шагнули друг к другу. Александра закрыла глаза, почувствовав губы Вити на своих губах.

Она, стесняясь себя, своей неловкости, положила руки ему на плечи и с замиранием сердца почувствовала, как его ладонь ложится ей на грудь. Первый поцелуй оказался слишком дерзким, но страх и растерянность ушли под натиском чувства сбывшейся мечты.

Она бросила короткий взгляд на мужа и тихонько засмеялась. Трудно узнать того пылкого юношу в сегодняшнем мужчине. А тогда она едва устояла под его натиском... Только когда Витина рука поднялась слишком высоко по ее бедру, Александра опомнилась и выскочила из его объятий. Взъерошенные, они смотрели друг на друга сумасшедшими глазами.

Так началась их любовь. Они не выставляли напоказ свои чувства, инстинктивно опасаясь людской злобы. В школе они вели себя как ни в чем не бывало, но так здорово было обмениваться тайными взглядами, мимоходом, будто случайно, касаться друг друга. И от воспоминания о вчерашнем поцелуе подкашивались ноги.

Вернувшись из школы, Александра начинала гипнотизировать телефон. Уроки она делала, только чтобы отвлечься от мучительного ожидания Витинового звонка. Он серьезно готовился в медицинский, и видется они могли не каждый день.

Почти сразу Александра обо всем рассказала маме. Та навела справки о дочкином возлюбленном, в принципе одобрила кандидатуру и приобрела Александре несколько новых нарядов. Потому что девушка прежде всего должна хорошо выглядеть. Мама с удовольствием помогала ей собраться на свидание, каждый раз напутствуя: «Не делай глупостей!»

А потом наступило время, которое Александра старалась не вспоминать. Она называла его «провал» и больше всего на свете хотела, чтобы эти два месяца изгладились из памяти.

Незадолго до выпускных экзаменов Витя сказал, что они должны сосредоточиться на учебе. Что сейчас решается их судьба, и пока непозволительно отвлекаться. У Александры до сих пор наворачивались слезы на глаза, когда она думала об этом разговоре. Ей нужно было понять самой, когда он перестал звонить и больше не приближался к ней в школе, чтобы обменяться прикосновениями.

Нужно было смириться, а она, глупая, догнала его по дороге домой. Прошло больше четверти века, а она и сейчас обходит стороной тот книжный магазин, возле которого услышала холодные взрослые слова: «Мы должны думать о будущем».

Что она могла ответить? Повернулась и пошла, а мир вокруг стремительно терял краски, и о будущем без Вити совсем не хотелось думать.

Кое-как она сдала выпускные экзамены и очень удивилась, получив обещанную медаль. На выпускной бал Александра не пошла. Она мечтала появиться там с Витей и танцевать с ним, а идти одной не имело смысла. Смотреть, как он танцует с другими девушками, было бы слишком больно, она не выдержала бы.

Александре вдруг очень захотелось курить. Четверть века семейной жизни... Много произошло за этот долгий срок. Но Александра не простила мужу только этот злосчастный выпускной, которого у нее не было. Каждый раз, когда она об этом думала, в душе вскипала такая едкая и горькая обида, что хотелось ему как-нибудь отомстить.

Поэтому она похоронила это воспоминание.

Виктор вернулся в июле. Когда она перестала ждать, просто зазвонил телефон, и Александра пошатнулась, услышав его голос.

Назначили встречу, и Александра шла, запрещая себе надеяться на хорошее. Старалась только выглядеть не такой убитой горем, как обычно.

Встретились в сквере, и Александре вдруг стало немного грустно, что больше никогда не придется маршировать тут со знаменем. Витя стоял возле пышного куста сирени и шагнул к ней, как только увидел.

Взяв ее за руку, Витя сказал, что любит ее и всегда любил, но испугался своих чувств. Что связать жизнь с человеком – это серьезное решение, и тогда он был не готов его принять. Но теперь он все понял.

- Ты должен думать о будущем, – съязвила она.

- Мое будущее – это ты...

Они обнялись, и Александра словно вернулась домой после долгой и трудной дороги.

Так началась счастливая и безмятежная жизнь.

Они поженились сразу, как ей исполнилось восемнадцать, с полного благословения родителей. Семьи были примерно одного круга, поэтому сразу нашли общий язык. Никаких дотаций молодым, ребята должны прожить собственную жизнь.

Витины родители отдали им бабушкину однокомнатную квартиру, а отец Александры обещал содействие в карьере. Но на жизнь они должны были зарабатывать сами.

Было трудно, как всем студенческим семьям. Оба получали повышенные стипендии, Витя работал на полставки санитаром, Александра занималась репетиторством.

Первое время было непросто привыкать к бедности после изобилия в родительской семье, но Александра смотрела на это как на приключение.

Сейчас многие говорят, как хорошо было в СССР. Что ж, Александре пришлось самым краешком зачерпнуть советского быта... Можно сколько угодно сокрушаться о потерянном рае бесплатной медицины и образования, но это была страна несчастных женщин. Приходилось существовать в состоянии хронического героизма. Жену и мать воспевали, увековечивали в граните, но на практике охрана материнства и детства оборачивалась злой, как овчарка, врачихой в женской консультации, которая умела только оскорбить и причинить боль.

Даже их невеликий семейный бюджет нельзя было расходовать без приключений. Александра научилась стоять в очередях, привыкла к перемороженной картошке и жилистому мясу, где чудодейственным образом внутри куска всегда обнаруживалась кость.

Ассортимент промтоварных магазинов ужасал. Как же надо ненавидеть людей, чтобы делать такую обувь и одежду! Вообще, ей казалось, что в этой стране люди, не получая достойного вознаграждения за свой труд, стараются работать настолько плохо, насколько это возможно. Такой круговорот злобы и зависти.

Поэтому, когда началась перестройка и все остальное, Александра с Витей восприняли это положительно. Да, тяжело, трудно и голодно, но нужно потерпеть, чтобы потом жить в нормальном обществе, а не в сумасшедшем доме.

Им пришлось, пожалуй, тяжелее, чем многим другим, потому что Александра как раз забеременела.

Они не сдались, перенесли все испытания и теперь заслуженно наслаждаются благополучием. Александра стала идеальной женой. Обычно женщина сильна в чем-то одном. Например, хорошо готовит. Или поддерживает дома хирургическую чистоту. Или вкусно готовит, наводит идеальный порядок, но не следит за собой. Александра успевала все. Готовила так, что, наверное, эта мегакулинарка Северина взывала бы от зависти. Дома все сверкало. А сама Александра выглядела очень даже неплохо для своих лет. Ну да, обаяние молодости ушло, но варенье может быть таким же вкусным, как свежая ягода.

Жизнь промелькнула, как приятный сон. Немножко детских любовных страданий, немножко вполне переносимых лишений в молодости, вот и все. Как только Витя окончил институт, в семью пришел достаток. Красивая, богатая, не знающая горя женщина. У них с Витей даже родители живы и здоровы и не требуют заботы. Господи, неужели Кате придется расплатиться за безмятежную жизнь матери? Нет, пожалуйста! Говорят, дети расплачиваются за грехи родителей, а не за их счастье. Кажется, она никому ничего плохого не сделала. Она вообще мало влияла на окружающую действительность, сосредоточившись на семье.

Вонзив ногти в ладони, Александра беззвучно произнесла: «Господи, все что угодно, только, пожалуйста, пусть моя дочь будет счастлива!»

Простившись с посетителем, Северина задумчиво перелистала скоросшиватель. Она только ступила на путь возмездия, но уже обнаружила, что оно оказалось не столь увлекательным занятием, как она полагала вначале. Почему?

Отомстить, разрушить чужую жизнь, как в свое время разрушили жизнь ей, это должно принести удовлетворение. Но на душе так же пусто и тоскливо, как раньше!

Она попросила секретаршу принести чаю. Встала, прошлась по своему уютному кабинету. Обставляя его, Северина избегала даже намек на роскошь. Во-первых, не надо раздражать сотрудников, а во-вторых, атмосфера должна быть сугубо рабочей. Раньше у нее был большой офис, но теперь, с развитием Интернета, она продала его и взяла особнячок в самом центре. Большинство сотрудников работали дома, связываясь между собой по скайпу, а в офис приезжали, если нужно было обменяться конфиденциальной информацией. Северина считала, что понятие рабочий день – самый большой тормоз прогресса. Платить надо за выполненную работу, а не за отсиженные часы!

Северине нравилась простая обстановка, а пускать пыль в глаза она не собиралась. Напротив, если приходилось бывать на переговорах в других фирмах, роскошные интерьеры настораживали ее.

Решив отвлечься от мыслей о возмездии, она посмотрела на улицу сквозь щель в жалюзи. Жарко, люди идут потные и злые, спускаются в метро, где в вагоне

превратятся в единый человеческий брикет. И, вдыхая запахи друг друга, будут подсознательно заряжаться агрессией. А она поедет домой в удобной машине с кондиционером, вольготно устроившись на заднем сиденье, попивая водичку с кубиками льда, которую ей даст в дорогу секретарша. Только это не сделает ее счастливой...

Вместе с чаем Наташа внесла в кабинет огромную корзину цветов. Основным элементом композиции были чайные розы, оттененные разной зеленью и слегка подернутые мелкими белыми цветочками. Северина не разбиралась в ботанике, но отметила прекрасный вкус составителя букета.

- Гусарский размах, - усмехнулась она, - надеюсь, это не от конкурентов и цветы не пропитаны неизвестным науке ядом.

- Нет, доставка от фирмы «Розамунда». Служба безопасности проверила.

- Я шучу, - сказала Северина без улыбки.

Кто знает, действительно ли у Наташи не было чувства юмора, или она выключала его, приходя на службу.

От кого это, интересно? Среди зеленых листьев Северина заметила белый уголок. Визитная карточка Тоборовского, предположительно, космонавта. Никакой записки на ней, типа «позвони!» или «жду!». Подобная сдержанность вызывает симпатию...

Сначала она хотела, чтобы Наташа поставила композицию в холле, чтобы все сотрудники насладились этой красотой, но вдруг передумала.

- Вызови мне машину, и пусть шофер поднимется, заберет цветы. Я возьму их домой, если ты не возражаешь.

Она потянулась за айфоном, но что-то заставило в последний момент убрать руку. Слишком многое в жизни заканчивалось крахом всех надежд. Да что там скромничать, практически все, кроме бизнеса! Лучше еще немножко помечтать, что могло бы быть, чем узнать, что ничего не будет.

Северина вздохнула. Вероятно, Алексей уже жалеет о своем мимолетном порыве, а цветы прислал для очистки совести. Или ему что-то нужно от нее. Какая-нибудь протекция, а может быть, хочет с ее помощью проникнуть в высшее общество. Разочарованной в жизни женщине на пороге сорокалетия очень сложно поверить во внезапно вспыхнувшую страсть.

Она не такая любительница секса, чтобы заводить отношения ради него. Прежде всего ей нужна духовная общность, доверие. И открыть человеку душу, чтобы он туда плюнул? Услышать: я тебя силком в постель не тащил...

О, вот оно! От внезапно посетившего ее озарения Северина замерла с чашкой в руке. Ну конечно! Спасибо тебе, космонавт Тоборовский, за идею!

Вот в чем смысл возмездия, вот когда оно принесет радость и исцеление ее душе. Просто испортить человеку жизнь – невелика заслуга. Этот негодяй умеет держать удар, и, как бы она ни старалась, она не сможет лишить его тех душевных качеств, которые помогут ему подняться.

Нет, нужно сделать так, чтобы он оступился сам. Чтобы собственными руками все разрушил и до дна испил горькую чашу совершенного греха. Чтобы совесть грызла его так же, как двадцать лет грызет Северину. Он сам должен вырыть ту яму, в которую упадет. А она встанет на краю этой ямы, бросит на него холодный взгляд, усмехнется и скажет: «Тебя никто не заставлял!».

Вот тогда это будет возмездие, а не мелкие пакости.

Северина засмеялась и снова позвала секретаршу:

– Наташенька, свяжитесь с Петровым из горздрава и назначьте встречу. Потом соединитесь с секретарем нашего дорогого генерала и узнайте, когда ему будет удобно меня принять.

Тесное сотрудничество Северины с ФСБ не афишировалось, но ни для кого не было тайной. Пожалуй, оно являлось гораздо более значимым компонентом ее успеха, чем любимое дело и удача.

Северина не видела в этом сотрудничестве ничего постыдного. Защита своей родины от внешних и внутренних врагов – почетная обязанность гражданина. А крики о произволе и душителях свободы – удел неудачников.

Ну вот... Начало положено.

«А если он не попадет в ловушку? – подумала Северина. И сама себе ответила: – Если он не попадет в ловушку, то я буду жить, зная, что в юности мне посчастливилось переспать со святым человеком».

Инга сделала обход и спустилась в приемный покой, в котором, как всегда по субботам, кипела жизнь. Миновав бурный поток пахнущих перегаром граждан, она открыла дверь ординаторской. Там сидел за журналами Руслан.

– Привет! – убедившись, что их никто не видит, он заключил ее в объятия. – Устала?

– Еще не успела. – Инга мягко высвободилась и села на широкий подоконник.

– А я тут статистику по травмам поднимаю. Сплошные «алкогольное опьянение, избит неизвестными». Кажется, у нас чрезвычайно развито движение анонимных алкоголиков.

Инге не хотелось говорить о работе. А других тем у них и нет, вдруг с горечью подумала она. Они и сошлись-то больше на почве интереса к профессии, чем по любви. Никогда не говорят о жизни, о быте, даже о художественной литературе. Она любит читать, Руслан тоже, вон, постоянно цитирует стихи, но при этом они никогда не обмениваются впечатлениями о книгах. Даже в Сети. Вечерами переписываются в Вконтакте, и все время о пациентах или науке.

Один раз она даже обиделась, когда подсказала возлюбленному удачное решение. Руслан обрадовался, предложил включить ее в коллектив авторов, но Инга отказалась. Не ее тема, а публикаций и так достаточно. Но на душе остался мутный осадочек, чувство, что она оказалась своему любовнику слишком полезна и ее КПД приближается к 100 процентам, что противоречит законам природы.

Прежний любовник Инги был талантливее Руслана и гораздо более одержим хирургией, но с ним они почему-то находили время поболтать о всяких пустяках...

Руслан смотрел на нее и улыбался. Интересный мужчина с орлиным профилем. Рано поседевшие виски придавали ему некоторое сходство с кавказцем, но общий облик был скорее галльским. Чем-то его лицо напоминало темные портреты французских монархов.

Выбив пальцами дробь по оконному стеклу, она выжидающе посмотрела на любовника, но он только улыбнулся и вернулся к своему занятию.

Это что же получается? Теоретически она для Руслана самый близкий человек. Любимая женщина, с которой он не может связать жизнь по объективным обстоятельствам. Так сказать, неформальная жена. Почему же он не делится с ней своими планами? Почему не говорит, что скоро станет ректором?

– Слышала, тебя скоро повысят? – не выдержала Инга.

– В смысле?

– В смысле – назначат ректором.

Волчеткин засмеялся:

– Кто тебе сказал?

– Какая разница?

– Нет, Ингуша. Не для меня куют коня.

– Почему? Ты молодой, перспективный, с хорошими организаторскими способностями, кого ж назначать, как не тебя?

– Ну, вроде идея такая была, но потом все заглохло. Какая-то более подходящая кандидатура нарисовалась. В общем, его куют не для меня.

Руслан говорил уверенно, как о решенном деле. Но, кто знает, возможно, это просто суеверный способ не спугнуть удачу. Инга высказала подходящие слова сожаления и хулы руководителям, которые не дают ходу молодым талантам, но с трудом могла скрыть радость. Значит, Руслан останется с ней и ничего не скрывает.

Коротко поцеловав его в макушку, Инга приоткрыла дверь ординаторской. Пусть не думают, что они хотят побыть наедине. В коридоре маячила бригада «Скорой помощи», пытаюсь сдать старушку юной дежурной докторице. Инга несколько раз сталкивалась с этой девушкой, и она произвела на нее самое хорошее впечатление. Только из института, эта доктор пришла на работу с увесистым багажом знаний, в отличие от среднестатистических выпускников, которые твердо уверены только в том, что фуросемид вымывает калий.

Кроме знаний Полина Андреевна обладала еще яркой внешностью, будоражащей мужские сердца. Как у многих рыжих людей с очень белой кожей, ее лицо словно светилось изнутри, и черты казались немного «не в фокусе». Большие серые глаза, точеный носик и пухлые губы очень мягких очертаний... Если бы Инга могла выбирать, она захотела бы себе именно такую внешность!

«Какая же Полина Андреевна молодая! – подумала Инга. – В том же возрасте, что была я, когда связалась со своим завкафедрой. А он был старше меня теперешней... Но я вижу в Полине ребенка, которого надо опекать, а он увидел во мне взрослую женщину, которой можно испоганить жизнь».

Пользуясь тем, что Руслан занялся журналами, Инга вышла в коридор. Суровое лицо старухи, держащей пакет с вещами, словно таран, было ей знакомо. Из числа постоянных клиентов, которые не мыслят своей жизни без того, чтобы «полежать и прокапаться». А поскольку не царское это дело клянчить направление в поликлинике, нужно вызвать «Скорую» и устроить шоу с помирашками, а потом скандал, который родственники обязательно поддержат, поскольку общение с такими бабками не доставляет радости никому.

– Зачем вы ее привезли? – спрашивала Полина Андреевна. – У нее нет ничего острого, обычный букет.

– Она настаивает на госпитализации! – резко отвечала фельдшер, женщина средних лет с усталым лицом.

– У нас и мест нет...

Инга решила помочь молодой коллеге:

– Полина Андреевна, осмотрите пациентку и, если нет повода для госпитализации, отправляйте домой. И пусть настаивает на чем хочет. На водке там, или на коньяке.

Фельдшер улыбнулась.

– Жалоба будет. Мы эту бабку хорошо знаем. Строчит во все инстанции, как из пулемета.

– Спасибо за предупреждение. В общем, отправляйте домой, я распишусь как ответственный дежурный. А дальше она может жаловаться в горздрав и президенту и вызывать Сатану, ее дело. Только, Полина Андреевна, вы должны быть уверены, что там действительно ничего острого. Я-то не терапевт.

Девушка замялась.

– Такая у нас работа, – продолжала Инга, – принимать решение, от которого зависит жизнь человека.

«Наверное, рыжая девочка видит во мне старую прожженную стерву, – с усмешкой подумала Инга, – а я ведь в душе тоже нежная и трепетная. Да, принимать решение. Хорошо было врачам прежних времен! В борьбе с болезнью они были гораздо хуже вооружены технически, но, принимая решение, они думали только о благе пациента. Сейчас же в эту задачу напихано столько условий, столько шумовой информации, что в итоге интересами больного можно пренебречь. Страховые компании, оплата, суд в случае неудачи, лишение премии, выговор, жалоба – вот что держит в голове среднестатистический доктор, приступая к лечению».

Да, изгнание бабки из приемника кому-то покажется жестоким. Но если она займет место того, кто действительно нуждается? Кроме того, привыкнув к халявному лечению в больнице, такая старушка не имеет навыка следить за собственным здоровьем и в результате отправляется в лучший мир раньше, чем

могла бы, соблюдая предписания участкового терапевта. Эффект кошачьей шерсти. В одном доме не заводят кошку, потому что от нее много грязи. А в другом заводят и каждый день убирают шерсть. В результате в доме с кошкой чище, чем у тех, кто отказывается от нее из стремления к чистоте.

Народ злится на власти и на медиков, хотя должен злиться сам на себя. Именно люди довели здравоохранение до абсурда, вызывая «Скорую помощь» на порезанный пальчик и температуру тридцать семь и один. Сплавляя своих бабушек и дедушек в больничку, чтобы отдохнуть от них и сэкономить пенсию.

Стандартный ход мысли постсоветского человека: если я имею право и мне за это ничего не будет, почему не воспользоваться? В результате огромные деньги расходуются на эти порезанные пальчики и прочую фигню, а люди, действительно нуждающиеся в лечении, остаются без помощи.

Кроме неразумных трат, здесь таится еще одна опасность. Распыляясь на глупости, врач теряет квалификацию. Если ножом резать хлеб, то он дольше останется острым, чем если пытаться разрезать камень.

Пока Инга философствовала, Полина оформила бабку амбулаторно, в виде бонуса расписав лечение ее хронических болячек, хотя не обязана была это делать. Подмигнув юной докторице, Инга расписалась в журнале. Бабка, естественно, пригрозила жалобой. Ожидая родственников в коридоре, она изрыгала страшные проклятия в адрес врачей.

– Не знаю, как до президента, но до дьявола ее жалоба точно дойдет, – засмеялся Руслан, выходя из ординаторской, – придется, девушки, в церковь идти после смены, порчу снимать.

– Порчу, – внушительно сказала Инга, – на нас навели, когда мы в мединститут поступили. И это клеймо никакими молитвами не смыть.

– Тоже верно!

Руслан положил журналы на место. В джинсах и белой рубашке он выглядел совсем молодым. Инга вдруг остро позавидовала, что он сейчас пойдет домой. Или куда захочет. Важно то, что ему не нужно сидеть здесь до утра, разбираться с полоумными старухами и нюхать чужой перегар. Ах, если бы он на ней

женился... Если бы избавил от комплекса единственного добытчика!

Но женатый любовник дает тебе не то, что нужно, а то, что не стоит ему никаких усилий.

Вдруг ей показалось, что Руслан слишком внимательно смотрит на Полину. Глупая фантазия, конечно, но на секунду она почувствовала себя лишней в их маленькой компании. Будто Руслан хочет, чтобы она ушла и не мешала ему кокетничать с рыжей красавицей.

Александра готовила обед, вполуха прислушиваясь к бубнению телевизора. Шла кулинарная программа Северины. Почему-то при виде этой женщины у Александры сразу портилось настроение, но сейчас руки были в муке, раскаленная сковорода ждала котлет, оторваться от процесса, чтобы переключить программу, было решительно невозможно, поэтому приходилось слушать.

– Каждая женщина – шеф-повар на своей кухне, – вещала Северина, – я не хочу, чтобы вы механически воспроизводили мои рецепты. Задача в том, чтобы вы могли создавать вкусные блюда из того, что под рукой. В конце концов, кулинария развивалась в те времена, когда хозяйка не могла в любую секунду сходить в супермаркет, а располагала только собственными запасами. В приготовлении теста и сложных кондитерских изделий имеет смысл строго соблюдать рецептуру, а в остальном не бойтесь импровизаций и даже экспериментов. Вспомним хотя салат оливье, который подарила человечеству случайность. У меня есть три правила, которые помогут не только созданию вкусных блюд, но и сэкономить приличную сумму. Во-первых, готовьте обед из того, что есть дома на данный момент. Во-вторых, если не хватает какого-то ингредиента, не спешите за ним в магазин, замените подручным средством или обойдитесь без него. И третье правило – никогда не открывайте новую упаковку, пока не кончилась предыдущая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/mariya-voronova/ledyanoe-serdce-severiny>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)